

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 50

1987

ПОГОНЯ

*Сборник зарубежной
научной фантастики
на экологические темы*

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ПОГОНЯ

Сборник зарубежной научной фантастики
на экологические темы

Составил и перевел Ростислав РЫБКИН

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Фернандо АКУНЬЯ — современный испанский писатель, автор ряда научно-фантастических рассказов.

Альфонсо АЛЬВАРЕС ВИЛЬЯР — известный испанский ученый-социолог и писатель-фантаст.

Джон БРАННЕР — один из ведущих современных писателей-фантастов Великобритании. Советские читатели знакомы с романом Дж. Браннера «Квадраты шахматного города» и рядом его рассказов.

Рэй БРЭДБЕРИ — всемирно известный американский писатель-фантаст. «451° по Фаренгейту», «Марсианские хроники», «Вино из одуванчиков» и многие другие произведения Рэя Брэдбери знают миллионы советских читателей.

Борис ВИАН — французский писатель, поэт (прозаик и драматург). Известен советским читателям по роману «Пена дней», стихам и рассказам.

Нильс НИЛЬСЕН — один из ведущих фантастов Дании. Советские читатели знакомы с творчеством Нильса Нильсена по ряду его опубликованных у нас рассказов.

Салли Анн ПИПИ — молодая писательница из Папуа Новой Гвинеи.

Томас САЛЬВАДОР — известный испанский прозаик, автор многих романов, в том числе детективных и научно-фантастических, а также повестей и рассказов.

ЛЕВ

Суток как таковых в Городе не было: под искусственным куполом небесно-голубого цвета всегда светил яркий свет, и благодаря ему была жизнь. Постоянство этого света раздражало. За куполом сейчас, наверно, полдень — чуть больше или чуть меньше.

Поль уверенно шагнул с первого движущегося тротуара на второй: разница в скоростях между ними была совсем не велика. Ему уже десять лет. Он только что сдал, и сдал блестяще, последние экзамены в своей жизни; через неделю он начнет работать на производстве. Начнется новая жизнь, это так странно, и так приятно знать, что в тебе теперь видят взрослого!

На третий тротуар, с него — на четвертый. Поль сел; сиденья только на четвертом и пятом, но особенно спешить домой незачем, поэтому на пятый можно не переходить. Первые три тротуара использовали для поездок на небольшие расстояния или для того, чтобы по ним перейти на самые быстрые, четвертый и пятый. Сейчас на тротуарах почти никого не было: пятая смена еще не кончила работать, а для шестой было еще рано.

Так спокойно себя чувствуешь, когда едешь на тротуаре! Закрой глаза — и мечтай.

Отец достал для него разрешение съездить посмотреть на льва. Один раз он льва уже видел — когда в пятилетнем возрасте сдал, как и другие его ровесники, вступительные экзамены в университет Города; родителям тогда захотелось сделать для него что-нибудь приятное.

Лев. От обучающих машин Поль еще в раннем детстве узнал о прошлом своей планеты; машины ввели в его мозг знания об истории мира, населенного когда-то тиграми и слонами, обезьянами и крокодилами — и львами, величественными царями зверей.

Дом номер пятнадцать тысяч четыреста тридцать пять. Ехать уже недолго, какой-нибудь десяток кварталов. Он начал переходить с тротуара на тротуар и оказался на первом — том, что ползет еле-еле. А вот и мостик, старый знакомый, к которому он так привык; вроде бы такой

же, как другие мостики, и в то же время не такой, с почти невидимыми отметинами, доступными глазу только того, кто проходит по этому мостику каждый день.

Стеклянная дверь.

— Это я.

Узнав голос, дверь бесшумно ушла в стену. Дома никого не оказалось, родители еще не пришли; он плюхнулся в надувное кресло, и оно сразу приняло форму, соответствующую линиям его тела.

— Канал двадцать один.

Он произнес это совсем тихо, но у сверхчувствительных элементов слух был хороший. Трехмерный экран осветился. Шла программа об освоении Марса. Всё уже давно известное.

— Канал двадцать пять.

Ксаксо, певец Галактики, пел свою поэму о многоцветье миров, и разными цветами пульсировали кнопки на его музыкальном инструменте.

Полю нравился Ксаксо и нравились его песни, в них было что-то от романтики первых космических полетов с их победами и поражениями, что-то от силы, толкающей человечество к звездам.

До чего же оно удобное, это кресло!

— Выключись!

Теперь светились только стены — мягко, успокаивающе.

Лев. Завтра лев.

Дом льва отличался от соседних зданий тем, что в нем был только один этаж; распластанный на земле среди стандартных башен небоскребов, дом был большой и маленький одновременно.

Огромная дверь; пропуск опущен в специальную щель; замерев, ждешь.

Перешагнув порог, прижался к отцу: почувствовал запах тайны, запах жизни.

Лев там, в суперстерильной клетке. Царь — в пластмассовом лесу.

Великолепный, величественный. Старый, очень старый — и очень нервный. И... будто не понимает. Или еще хуже — понимает. Лежит на полу, смотрит пустыми глазами на кусок синтетического мяса и не шевелит хвостом — отвык отгонять насекомых, потому что насекомых больше нет. Глаза желтые, грива черная.

Молчать. Не дышать. Смотреть во все глаза, вбирать все, что можно в себя вобрать за пять минут, на которые дано разрешение.

Лев. Лев, который не умирает, потому что умереть ему не дают. Царь без подданных. Скучает. Тоскует оттого, что не может показать свою силу.

Голова льва медленно поворачивается и смотрит теперь на них: «Еще двое».

Потом глаза закрываются.

Почти не шевелился в этот раз. Питер говорит: когда он приезжал смотреть, лев встал и сделал два или три шага. Питеру всегда везет.

Заревел бы хоть, заревел хотя бы один разок, чтобы можно было потом рассказывать своим детям, друзьям.

Тишина. Тишина пустой церкви.

Глаза снова открылись. Смотрит на них, пока за ними не затворяется дверь.

Теперь не нужно идти в библиотеку и брать видеопленку о львах, о львах-охотниках, ревущих и обнажающих свои грозные клыки; и о зеленых лесах; и о спасающихся бегством газелях и антилопах; и о голубой луне в звездном небе, и о...

Возвращение домой. В полном молчании.

Постель. Мягкий свет от стен.

Через неделю работа.

Почему-то он потерял к ней интерес, мысль о ней уже не вызывает в нем волнения. Как будто он... мертв.

Альфонсо АЛЬВАРЕС ВИЛЬЯР

СУПРУГИ, ЛЮБИВШИЕ УЕДИНЕНИЕ

Феликс снова попытался сосредоточиться (последний час он был занят исключительно этим). Он надеялся, что все-таки сочинит стихотворение, хотя никакому поэту и в голову бы не пришло сесть за работу в восемь часов вечера.

«Волны распластываются на безлюдном пляже...»

Перо зацарапало по сложенному вчетверо листку бумаги, девственно-белому, как фата невесты. Вторая строка никак не придумывалась. После долгих усилий ему удалось ненадолго отвлечься от звуков трех или четырех вибрафонов, сострояющих двор; но до чего же трудно заставить себя думать о безлюдном пляже и пене набегающих волн на фоне ритма пучи-пучи! Однако окончательно похоронил вторую строку разговор двух сервороботов. Они вопили во всю мощь своих динамиков, и болтовня их подала ему мысль о неореалистическом романе, героями которого были бы две скромные прислуги. Потом их разговор, пахнущий луком и кухонным тряпьем, прервался, и тут же началась многосерийная телепередача с треском револьверных выстрелов и голосами, ревущими или сюсюкающими с пуэрториканским акцентом.

«Волны распластываются на безлюдном пляже... Вдали ковбои скачут по степям...»

Проклятье! Неужели нет способа оградить сознание от этих зловредных помех? Но уже поступала исчерпывающая информация о разногласиях между супругами на третьем этаже, о состоянии беременной

соседки и положении дел на Марсе; на третьем этаже дети играли в марсиан, и их дикие крики разносились далеко вокруг. А волны все распластывались на безлюдном пляже, и что-то не видно было, чтобы вторая строка собиралась составить им компанию. Символическим жестом прощания с музами Феликс изорвал в клочки четвертушку бумаги, едва начавшую терять свою перевозданную чистоту.

Он вышел на улицу. Здесь по крайней мере оглушали только вибрация гелибусов, жужжание атомных автомобилей и свист поездов, несущихся по монорельсовым дорогам. Этим вечером они с женой собирались в стереокино, но чтобы получить место на стоянке, надо выехать на час раньше и стать в хвосте огромного каравана машин, медленно двигающегося к центру города. Только в машине можно было чувствовать себя спокойно, только в ней, а уж никак не в спальне, где никогда не было уверенности в том, что супружеская чета из соседней квартиры, отделенной перегородкой в два-три сантиметра толщиной, не начнет рассказывать днем то, о чем они с женой говорили ночью. Хорошо хоть кровать попала без скрипа.

О, уединение сидящего за рулем машины среди сотен других герметически закрытых машин! О, головы, неслышно говорящие за стеклами окошек, если только их обладатели не высовываются, чтобы обругать тебя, когда ты чуть не задел за крыло или помешал себя объехать! Но уединение это — влажное уединение финской бани, уединение среди тысячи звуков, и в нем нет аромата сосновой смолы и шиповника.

Наконец они приехали в стереокино. Несмотря на страшную давку при входе, а потом при выходе, несмотря на вопли тысяч зрителей во время страшных сцен и хохот во время смешных, здесь они тоже были в уединении, потому что, если не считать этих моментов (а их было не так уж много), возвращавших Феликса к действительности, киносеанс был для него тихой пристанью. Специалисты по акустике обеспечивали абсолютную звукоизоляцию студий, в которых снимались фильмы, и, если какому-то нежелательному шуму все же удавалось пробиться на гладкую поверхность пленки, существовали технические средства, более чем достаточные для того, чтобы от него отделаться. Да и какой фильм можно было бы поставить, если бы голоса актеров на звуковой дорожке заглушала реклама моющих средств?

После сеанса они возвратились домой и сели за скромный ужин, но проглотили его наспех и подавляя отвращение, потому что по двору разносились громогласные жалобы одного из соседей, оповещавшие жильцов о тошнотворном вареве, которое подала ему жена.

Была суббота. Теоретически это означало еще несколько часов сна вдобавок к тем, которыми они располагали в будние дни, но только теоретически. В квартире этажом выше были гости, и вечеринка затянулась до пяти утра, а у остальных соседей гремели телевизоры, работавшие до тех пор, пока телецентр не закончит передачи. Телевизоры и вечеринка мешали друг другу, и это немного утешало Феликса, героическим уси-

лием воли пытавшегося продолжать прерванное стихотворение. А потом он стал засыпать по методу йогов, и сон, наконец, смежил его веки. Ему приснился необитаемый остров, где они с женой жили, как Робинзон Крузо. Не было слышно ничего, кроме шелеста листьев на верхушках пальм и шепота моря; но вдруг эти гармоничные звуки расположились в рисунок афрокубинского ритма, и на пляже необитаемого острова появилась дансинг, из громкоговорителей которого неслась душераздирающая танцевальная музыка...

Их разбудило в семь утра звонкое пение трубы: сосед с четвертого этажа под аккомпанемент своей электробритвы и электрического молотка жены, спешно готовившей на кухне отбивные для пикника, ставил жильцов в известность о намерении вывезти свое семейство за город. Мажорный гимн объявлял беспощадную войну лодырям и лежебокам, а еще через полчаса к нему присоединилось серафическое пение детского хора, безбожно перевиравшего модные песенки. Феликс и его жена торопливо оделись, и вскоре их автомобиль стал еще одним звеном в бесконечной цепи машин, двигавшихся к горам. Целых три часа ушло на то, чтобы одолеть девяносто километров, — но зато здесь их ждала природа! И они скользнули под зеленую сень сосен, стараясь не наступать на пары, занимающиеся любовью, и на отдыхающих, раскладывающих свои пожитки.

Феликс дышал полной грудью: нельзя было упускать мгновений, когда в ноздри пробивался аромат природы, потому что его тут же вытесняли запахи синтетических аминокислот или других, менее съедобных веществ.

«Отвлечься, любой ценой отвлечься! Неужели зря я занимаюсь йогой?» — с тоской подумал Феликс. Если говорить о радостях обоняния, то весь вопрос здесь, с точки зрения йоги, заключался в том, чтобы путем умственной фильтрации устранить зловоние, а потом наслаждаться без помех благоуханием сосен и ароматом распопанного тимьяна.

Они двинулись дальше. Здесь отдыхающих почти не было: люди по мере возможности избегали занятий альпинизмом. Со скалы, украшенной щитом с рекламой знаменитой оптической фирмы, они окинули взглядом пейзаж. «Какая прелесть!» — подумал Феликс, обнимая жену за талию. Да, вокруг была настоящая природа — если отвлечься от рекламного щита и двух-трех сигаретных пакетиков, валяющихся под ногами, а также от объедков, оставшихся с прошлых воскресений, от полудюжины окурков и от предмета, который Феликс поторопился затоптать, прежде чем его увидит жена.

Он снова нежно обнял ее. Им хотелось вновь ощутить себя женихом и невестой, которые украдкой обмениваются первыми поцелуями; захотелось насладиться интимным актом, скрытым от посторонних глаз и ушей и уже от одного этого более волнующим. И они пошли дальше в своих ласках, как никогда полно наслаждаясь тем, что другие уже давно-давно привыкли выставлять на всеобщее обозрение.

Над их головами пронесся камень, а вслед за ним и другой ударился о землю всего в нескольких сантиметрах от них. Феликс вскочил, разъяренный, но увидел лишь, как из-за соседней скалы, хохоча, убегают несколько мальчишек. И они решили воздержаться от дальнейших интимностей, точнее — предаться им мысленно. Но уже настал час второго завтрака и давал о себе знать голод. Они развернули свертки, а эпизод с камнями постарались забыть. А потом Феликс спустился с бумагой и остатками пищи к ближайшей урне, которая, по счастью, оказалась пустой, и со спокойной совестью вернулся на их любимую скалу. Здесь можно было говорить обо всем на свете, и даже лежать, провожая взглядом облака и стараясь не замечать пролетевшие один за другим три рейсовых космических корабля, эскадрилью турбореактивных самолетов и два гелитакси. Несмотря на все это, были минуты, когда, глядя на пышные тела облаков, можно было пофантазировать и увидеть сказочных чудовищ — пока транзистор где-то рядом не начал информировать их о результатах последних игр и они не поплелись, понуриив головы, к оставленной ими машине.

— Есть ли у вас такое место, где мы с женой смогли бы провести несколько дней совсем одни? — спросил Феликс у представителя туристского агентства.

— Вы мечтаете о невозможном, но наше агентство все-таки попробует подыскать для вас что-нибудь похожее на то, что вам нужно, — ответил тот и как-то странно посмотрел на Феликса — будто Феликс был психический больной, сбежавший из соответствующей клиники. Без малейшей надежды на успех Феликс вновь окунулся в уличный шум.

Неужели он обречен до конца дней своих слышать и запоминать назизусть бесконечные рекламные объяснения? Когда он был ребенком и учителя в школе заставляли его учить таблицу умножения, у него хоть были дни отдыха. Но теперь для него не осталось никакого просвета. Он то и дело ловил себя на том, что, говоря с женой, пользуется словами и интонациями героев телеэкрана. Да и вся жизнь его, коли уж на то пошло, вовсе не была его жизнью: словно в теле его нашел приют не один мозг, а пятьдесят или более, и все они работают одновременно. Например, об интимной жизни соседок он знал не меньше, чем их собственные мужья, и если бы в один прекрасный день у него появилось вдруг желание обмануть какого-нибудь из них, он оказался бы в постели с женщиной, все тайны которой ему известны. То же самое произошло бы и с его женой — как если бы он и она были обречены на вечное пребывание в чужих постелях.

Отвлечись, отвлечись любой ценой! Но связанная с этим психическая нагрузка была не по силам его организму, и это давало ему право искать уединения.

Через два дня затрезвонил видеотелефон. Нет, это не была ошибка, и это не был один из вечных телефонных шутников или радиодиктор, страшно расстроенный тем, что, не зная о передаче X, которую патронирует компания по производству мощного средства Y, Феликс с женой потеряли столько сотен песет. Нет, на этот раз они услышали голос человека, обращающегося к ним лично! Представитель туристского агентства сообщал, что найдено райское местечко на одном из прибрежных островов! Агентство уже заказало гелитакси, которое перенесет их туда со всем багажом. Гарантируется абсолютное уединение, так как островок необитаем. Правда, спать придется в палатке, а готовить самим, но ведь именно об этом мечтали супруги!

Они приняли предложение не торгуясь, и на следующий же день были там, одинокие, как Робинзон Крузо, перед лицом одного-единственного свидетеля, бившегося своей бирюзовой грудью об острые грани скал. И еще были чайки и несколько деревьев, крепко вцепившихся корнями в каменистую землю и вознесших высоко в небе пышные кроны.

Первое, что сделал Феликс, оказавшись на острове, было нечто такое, на что он никогда не считал себя способным: он начал скакать как одержимый, стремясь дать выход мышечной энергии, подавляемой конторской работой и сидячим образом жизни. А потом они стали разыгрывать ту самую сцену, которую им никогда не удавалось довести до конца на их любимой скале с рекламой оптических товаров. Они закатывались смехом как дети, и, так как был уже полдень, они сорвали с себя одежду, бросились в воды идиллической маленькой бухты, без смущения принявшей обнаженную молодую пару, и прорезвились там больше двух часов.

И это были лишь первые из многих безумств, которым они предались в течение субботы и воскресенья. О, если бы так было всю жизнь! Но будни уже предъявляли свои права на них, и в назначенный срок за ними прибыло то же самое гелитакси, которое сорок восемь часов назад доставило их на остров. С тоской глядели они на крохотную серую точку в кружеве пены, скрывающуюся за горизонтом.

В тот вечер они включили телевизор. Пришлось перетерпеть неизбежные кадры рекламы, вестерн и телеконкурс, но потом они увидели на экране нечто удивительно знакомое — маленький островок, на котором они провели сорок восемь часов счастья. Крупными буквами поверх изображения проплыло название передачи: «Чем бы вы занялись, если бы остались одни?» И им стало плохо, когда в двух Робинзонах, скачущих и кувыркающихся как безумные, они узнали самих себя. Кадры были засняты группой операторов-аквалангистов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СОСТОЯНИИ ЛУННОЙ ПОВЕРХНОСТИ

От начальника базы «Луна-1»
Начальнику проекта «Диана»

Результаты исследования лунной поверхности

Благодаря успешному созданию укомплектованной людьми базы на поверхности Луны, мы имеем теперь возможность дать вполне определенный ответ на вопрос, с давних пор занимающий умы ученых — а именно, из чего состоит поверхность нашего естественного спутника.

До сих пор существовали три конкурирующие гипотезы. Особенно популярны среди специалистов были две из них; первая предполагала, что поверхность Луны состоит из вещества, напоминающего пепел и лаву, извергаемые земными вулканами; согласно второй гипотезе, Луна, из-за непрерывной бомбардировки метеоритами, покрыта слоем мельчайшей пыли, сходной, естественно, по своему химическому составу с пылью, рассеянной в пространствах космоса.

Однако исследования, произведенные нами на месте, подтвердили, и притом совершенно неожиданным образом, истинность не двух вышеупомянутых, а третьей гипотезы.

Прежде чем перейти к деталям, необходимо остановиться на двух следующих обстоятельстве. Первое: согласно нынешним теориям, объясняющим происхождение Солнечной системы, первоначально Земля и Луна не были шарами раскаленного газа (как думали раньше) — они, как теперь полагают, сгустились из вращавшегося облака сравнительно холодных газов и пылевых частиц, и есть предположение, что ко времени, когда образовались планеты, уже существовали сложные органические молекулы, давшие начало жизни как мы ее понимаем.

Специалисты утверждали, что хотя обнаружить на Луне какие-либо вещества не удается, там тем не менее вполне может оказаться, фигурально выражаясь, такое же сырье, из которого развилась жизнь на Земле. Хочу напомнить: из опасения, что земные бактерии могут вступить в химико-биологическое взаимодействие с предполагаемым на Луне запасом протоорганических молекул и таким образом лишит нас доступа к ценнейшей информации, проливающей свет на происхождение жизни, были приняты все мыслимые меры, чтобы обеспечить надежную стерилизацию посланных на Луну ракет.

Во-вторых, хочу напомнить, что в период, непосредственно предшествовавший нашему успешному прилунению, один из оснащенных телеобъективами спутников, в задачу которых входило выбрать место прилунения, сошел с заданной орбиты и упал неподалеку от места, где

потом была построена наша база «Луна-1». За период, истекший со времени создания базы, мы тщательно обследовали обломки спутника. Подробный отчет о результатах обследования будет направлен Вам позднее: подготовку отчета пришлось отложить из-за условий, в которых мы работаем.

Однако, как было установлено, спутник сошел с заданной орбиты из-за находившегося внутри него постороннего предмета. В связи с этим прошу провести в пункте запуска тщательное расследование, чтобы установить, кто именно из техников несет за это ответственность: не составило большого труда выяснить, кто из наличного штата сотрудников подвластен велениям своего желудка настолько, что приносит сэндвичи на рабочее место, кладет их возле себя во время работы, а потом о них забывает. Дело в том, что именно такова природа постороннего предмета, о котором мы упоминали выше, — это большой сэндвич, от которого откусили один раз.

От удара о поверхность Луны телеспутник раскололся на несколько частей, и сэндвич, по-видимому, выбросило наружу — мы нашли его в двух шагах от обломков. Теперь, боюсь, мы можем только гадать, были ли сэндвич единственным фактором, определившим нынешнее состояние лунной поверхности, или же действовали и другие; лично я полагаю, что других не было.

Предупреждавших, что земные бактерии могут вступать во взаимодействие с протоорганическими молекулами, можно поздравить: их предсказание сбылось. Техника, забывшего сэндвич в спутнике, следовало бы повесить, колесовать и четвертовать, но решать это Вам. Или посадите его так, чтобы только голова торчала наружу, в бочку зрелого лимбургского сыра, сэндвичи из которого он так любит, и пусть сидит до тех пор, пока не потеряет способность не только есть этот сыр, но даже на него смотреть. Тогда он поймет, каково нам здесь сидеть и с каждым глотком консервированного воздуха вдыхать эту вонь.

Да Вы уже, наверно, и сами чувствуете, как благоухают листья отета. Со всей авторитетностью могу заявить, что благодаря этому проклятому сэндвичу Луну теперь с полным правом можно считать покрытой зеленым сыром.

Рэй БРЭДБЕРИ

ГЕНРИХ IX

— Вон он!

Оба подались вперед. От их тяжести вертолет накренился. Под ними неслась линия берега.

— Не он. Просто валун, покрытый мхом...

Пилот поднял голову, словно делал знак вертолету подняться выше,

повернуться на месте и помчаться прочь. Белые скалы Дувра исчезли. Теперь внизу расстились зеленые луга, и, подобная ткацкому челноку, огромная стрекоза стала сновать взад-вперед в ткани зимы, обволакивавшей лопасти.

— Стой! Вон он! Спускайся!

Вертолет начал падать вниз, трава ринулась ему навстречу. Человек, сидевший рядом с пилотом, откинул, ворча, в сторону закрепленный на шарнирах прозрачный купол и неловкими движениями, будто суставы его нуждались в смазке, спустился из кабины на землю. Побежал. Почти сразу выдохся и, замедлив бег, срывающимся голосом закричал в налетающие порывы ветра:

— Гарри!

Одетая в лохмотья фигура, поднимавшаяся вверх по склону, споткнулась, услышав его крик, и бросилась бежать, крича в ответ:

— Я не сделал ничего плохого!

— Да ведь я Сэм Уэллес, Гарри! Я не полицейский!

Убегавший от него старик сперва замедлил бег, потом, вцепившись руками в перчатках в свою длинную бороду, замер на самом краю скалы, над морем.

Сэмюэл Уэллес, ловя ртом воздух, добрался до него наконец, но не дотронулся из страха, как бы тот снова не побежал.

— Гарри, черт бы тебя, дурака, побрал! Уже несколько недель прошло! Я стал бояться, что тебя не найду!

— А я, наоборот, боялся, что ты найдешь меня.

Гарри, чьи глаза были зажмурены, теперь открыл их и посмотрел испуганно на свою бороду, на свои перчатки, а потом на своего друга Сэмюэла. Два старика, седые-седые, продрогшие-продрогшие, на вершине скалы в декабрьский день. Они знали друг друга так давно, столько лет, что выражения их лиц переходили от одного к другому и обратно. Рты и глаза их поэтому были похожи. Того и другого можно было принять за престарелых братьев. У того, правда, который вылез из вертолета, из-под темной одежды выглядывала совсем не подходящая к случаю яркая гавайская рубашка. Гарри старался не замечать ее.

Так или иначе, глаза у обоих в эту минуту увлажнились.

— Гарри, я здесь, чтобы предупредить тебя.

— Это совсем не нужно. Почему ты решил, что я прячусь? Сегодня последний день?

— Да, последний.

Оба задумались.

Завтра Рождество. А сейчас сочельник, вторая половина дня, и отплывают последние корабли. И Англия, этот камень в море воды и тумана, станет памятником самой себе, и его испишет своими письменами дождь и поглотит мгла. С завтрашнего дня остров перейдет в безраздельное владение чаек. А в июне — еще и миллионов бабочек-данаид, что вспорхнут и праздничными процессиями направятся к морю.

Не отрывая взгляда от берега и набегающих волн, Гарри сказал:
— Так, значит, к закату на острове не останется ни одного чертова глупого дурака?

— В общем... да.

— Ужасающе, и в общем и в частности. И ты, Сэмюэл, прилетел за мной, чтобы насильно меня увести?

— Скорее, уговорить уехать.

— Уговорить уехать? Бог с тобой, Сэм, пятьдесят лет прошло как мы вместе, а ты меня до сих пор не знаешь? А тебе не приходило в голову, что даже если все покинут Британию (нет, Великобританию — так лучше), я захочу остаться?

«Последний житель Великобритании,— подумал Гарри, умолкнув,— о боже, ну и слова! Будто колокол звонит по покойнику. Будто огромным колоколом звучит сам Лондон сквозь все морозящие дожди от начала времен вплоть до этого часа, когда последние, самые последние за исключением одного-единственного покидают эту усыпальницу целой нации, этот мазок погребальной зелени в море холодного света. Последние. Последние.»

— Послушай меня, Сэмюэл. Мне могила уже выкопана. Я не хочу с ней расстаться.

— Кто же положит тебя в нее?

— Я лягу сам, когда придет время.

— А кто засыплет тебя землей?

— О чем ты говоришь, Сэм? Прах всегда засыплется новым прахом. Об этом позаботится ветер. О, боже! — Это слово произвольно сорвалось с его уст. И он с изумлением увидел брызнувшие, вылетающие из его собственных моргающих глаз слезы. — Что мы здесь делаем? Почему все прощались? Почему последние суда уплыли из Ла-Манша и улетели последние лайнеры? Куда все исчезли, Сэм? Что, что случилось?

— Все очень просто, Гарри,— тихо сказал Сэмюэл Уэллес.— У нас в Англии плохая погода. И такой она была всегда. Говорить об этом избегали, ведь тут ничего нельзя было поделать. Но теперь Англии нет. Будущее принадлежит...

Взгляды обоих обратились к югу.

— Канарским островам, черт бы их побрал?

— И островам Самоа тоже.

— Не забудем и про Калифорнию.

Оба негромко рассмеялись.

— Калифорния. О ней придумано столько всяких анекдотов. Столько смешного. И, однако, не меньше миллиона англичан рассыпано сейчас от Сакраменто до Лос-Анджелеса.

— И миллион во Флориде.

Меньше чем за пять лет два миллиона перебрались к антиподам. Называя цифры, они кивали.

— Ведь как получается, Сэмюэл: человек говорит одно. Солнце говорит другое. И человек следует тому, что кожа приказывает его крови. И кровь наконец говорит: «Юг». Она говорит это уже две тысячи лет. Но мы все это время делали вид, что не слышим. Человек, которого впервые покрывл загар, становится партнером, знает он это или нет, в новой любовной истории. И кончается тем, что он лежит, раскинув руки и ноги, под огромным небом чужой страны, и обращается к спящему свету: «Учи меня, господи, добротой своей учи!»

В благоговейном ужасе Сэмюэл Уэллес затряс головой.

— Говори, говори так и дальше, и ты захочешь поехать со мною сам.

— Нет: может быть, ты, Сэмюэл, усвоил то, чему тебя учило солнце, но я до конца усвоить это не смог. Сожалею сам. Сказать правду, остаться одному не так уж весело. Может, удастся уговорить тебя, Сэм, остаться тоже — ты да я, одна упряжка, как в детстве, а?

Грубовато и ласково он сжал локоть Сэмюэла.

— О боже, от твоих слов у меня чувство, будто я бросаю короля и отечество.

— Для такого чувства нет оснований. Ты никого не бросаешь, ведь здесь уже никого нет. Кому бы в тысяча девятьсот восьмидесятом году, когда мы были еще мальчишками, пришло в голову, что настанет день, и, соблазненный обещанием бесконечного лета, Джон Булль растечется по полям дальним?

— Я, Гарри, всю жизнь мерзну. Слишком много лет надевал на себя слишком много свитеров, а в угольном ящике всегда было слишком мало угля. Слишком много лет видел: первый день июня, а на небе ни просвета голубизны, июль — а в нем ни одного сухого дня и ни разу не запахнет сеном, первое августа — и уже началась зима, и так год за годом. Больше не могу выносить это, Гарри, больше не могу.

— Да и не нужно. Наш народ достаточно страдался. Вы все заслужили себе безмятежную жизнь на Ямайке, в Порт-о-Пренсе или в Пасадине. Дай вон ту руку. Давай снова крепко пожмем руки друг другу! Сейчас великий исторический момент. А свидетели и участники его — только ты и я, мы с тобой.

— Что верно, то верно, клянусь богом.

— А теперь слушай, Сэм: когда ты улетишь и поселишься в Сицилии, Сиднее или в Нейвл-Ориндж, штат Калифорния, расскажи об этом «моменте» журналистам. Может, про тебя напишут. А учебники истории? В них ведь тоже должно быть хотя бы полстраницы о нас с тобой, о последнем уехавшем и последнем оставшемся, разве не так? Сэм, Сэм, твои объятия ломают мне кости, оторвись же, нет-нет, не отпускай, это последняя наша потасовка.

Тяжело дыша, оба отступили друг от друга: глаза у того и другого были влажные.

— Так, Гарри: ты проводишь меня до вертолета?

— Нет. Я боюсь этой чертовой мельницы. Мысль о солнце в сегодняшний мрачный день может подхватить меня и унести с тобой вместе.

— И что в этом было бы плохого?

— Плохого? Да ведь я, Сэмюэл, должен охранять берег от вторжений. От норманнов, викингов, саксов. В грядущие годы я обойду весь остров, буду стоять в дозоре от Дувра дальше на север, у всех рифов по очереди, и через Фолкстон снова вернусь сюда.

— Скажи, дружище, а не вторгнется ли Гитлер?

— От него и его железных привидений этого вполне можно ждать.

— И как же ты будешь драться с ним, Гарри?

— Ты думаешь, я буду ходить в одиночку? Вовсе нет. По пути, возможно, я встречу на берегу Юлия Цезаря. Он любил этот берег и потому построил на нем одну или две дороги. По ним-то я и пойду, и именно привидения отборных захватчиков Юлия Цезаря позаимствую для того, чтобы отразить нападения менее отборных. Ведь от меня будет зависеть, правда, накладывать на духов заклятие или его с них снимать, выбирать или не выбирать что мне захочется из всей проклятой истории этой страны?

— От тебя. От тебя.

Последний житель страны повернулся сперва на север, потом на запад, потом на юг.

— И когда я увижу, Сэм, что от замка здесь до маяка там все спокойно, и послушаю канонаду над заливом Ферт-оф-Форт, и обойду, заунывно играя на волынке, всю Шотландию, я в каждую предновогоднюю неделю, Сэм, буду спускаться на веслах вниз по Темзе и каждое тридцать первое декабря до конца моей жизни буду, ночной страж Лондона, я, да, я, ходить, как ходили его часы, и голосом изображать звон его старых напевных колоколов. «Лимоны и мандарины», — говорят колокола святой Катарины. Звон колоколов святой Мэри-ле-Бон. Святой Маргариты. Собора святого Павла. Ради тебя, Сэм, я буду приплясывать в воздухе и дергать за веревки, привязанные к языкам колоколов, и надеяться: может, холодный ветер отсюда долетит на юг, где теплый ветер овеивает тебя, и шевельнет хоть несколько седых волосков в твоих загорелых ушах.

— Буду прислушиваться, Гарри.

— Слушай же тогда еще! Я буду заседать в палате лордов и в палате общин и вести прения, буду терпеть поражения только для того, чтобы победить через час. И буду говорить, выступая, что до этого никогда в истории столь много людей не были обязаны столь многим столь немногим людям, и буду слышать снова голоса сирен, поющие со старых забываемых пластинок, и программы, передававшиеся по радио еще до того, как ты и я родились на свет. А за несколько секунд до наступления первого января влзу в «Биг-Бен» и расположусь в нем вместе с мышами на время, пока он будет отбивать смену года. И настанет день

(на этот счет у меня нет никаких сомнений), когда я воссяду на Скунский камень¹.

— Ты этого не сделаешь!

— Не сделаю? Если не на него, то, во всяком случае, на место, где он находился, пока его не отправили по почте на юг, в Бухту Лета. И вручу себе что-нибудь вроде скипетра, замерзшую змею, например, из какого-нибудь декабрьского сада. А на голову себе водружу картонную корону. И назовусь другом Ричарду и Генриху, изгнанным родственником Елизаветы I и Елизаветы II. И не может ли случиться, что однажды в пустыне Вестминстера, где под ногами у тебя лежат мумия Киплинга и история, совсем состарившийся, а может, уже и сумасшедший, я, властелин и подданный одновременно, изберу себя королем этих туманных островов?

— Да, может, и кто тебя осудит?

По-медвежьи крепко Сэмюэл Уэллес обнял его снова, рывком оторвал себя и почти бегом заспешил к ожидающему его вертолету. На полпути остановился, обернулся и закричал:

— О боже, что мне пришло в голову! Гарри — ведь это уменьшительное от Генриха. У тебя настоящее королевское имя!

— Ты прав.

— Простишь мне, что я улетаю?

— Солнце прощает всех, Сэмюэл. Отправляйся туда, где ты ему нужен.

— Но простит ли Англия?

— Англия там, где ее народ. Я остаюсь с ее старыми костями. Ты уходишь с ее нежной плотью, Сэм, с ее прекрасной загорелой кожей и полнокровным телом — так отправляйся в путь, не задерживайся!

— Спасибо.

— Спаси бог и тебя тоже, тебя и эту яркую желтую спортивную рубашку!

И тут между ними понесся ветер, и хотя оба кричали еще какие-то слова, ни тот ни другой уже ничего не могли слышать, только махали друг другу, и Сэмюэл подтянулся на руках в вертолет и тот поднялся, мелькая лопастями, и уплыл огромным белым летним цветком.

И оставшийся, всхлипывая и рыдая, закричал вдруг в душе: «Гарри! Ты что, ненавидишь перемены? Ты против прогресса? Неужели ты не видишь причин всему этому? Не видишь, что народ умчался, перетек на самолетах и уплыл на кораблях в дальние края только потому, что там хорошая погода? Вижу, — ответил он самому себе, — вижу. Как могли они противиться искушению, если наконец прямо за окном у них мог оказаться отныне вечный август? Ведь это так, именно так!»

¹ Древний шотландский коронационный камень; первоначально хранился в Скунском аббатстве (Шотландия). — Прим. перев.

Он рыдал, скрежетал зубами и, стоя на самом краю обрыва, простирали руки к уже почти превратившемуся в точку вертолету и тряс кулаками.

— Изменники! Вернитесь!

Как можно оставить старую Англию. Железного Герцога¹ и Трафальгарское сражение, Королевскую конную гвардию под дождем, горящий Лондон, немецкие самолеты-снаряды, завывание сирен, новорожденного младенца в высоко поднятых руках на балконе дворца, и погребальный кортеж Черчилля, до сих пор следующий по улице (слышишь, человек? До сих пор!), и Юлия Цезаря, не отправившегося к своему сенату, и диковинные происшествия нынешней ночью возле Стонхенджа? Оставить все это, это, э т о?!

На краю скалы, стоя на коленях, Гарри Смит, последний король Англии, плакал в одиночестве.

Вертолет исчез: его звали к себе острова вечного августа, где голоса птиц поет сладость лета.

Старик обвел взглядом даль и подумал: «Да ведь точно таким все это было и сто тысяч лет назад. Великая тишина и великое запустение, только теперь еще прибавились пустой скорлупой стоящие города и король Генрих, Старый Гарри, Девятый».

Как слепой, он пошарил в траве, и рука его нашла мешок, в котором были сумка с книгами и шоколадом, и он взвалил на плечи Библию и Шекспира, и потрепанного Джонсона, и многомудрых Диккенса, Драйдена и Поупа, и вышел на дорогу, идущую вокруг всей Англии, и остановился.

Завтра — Рождество. Он пожелал счастья всему миру. Обитатели его уже одарили себя солнцем. Опустевшей лежала Швеция, улетела Норвегия. Хоть бог и создал кроме теплых краев холодные, жить в них больше не хотел никто. Все нежились на лучших землях господних, на этих заморских горячих печках, овеваемые теплыми ветрами под ласковыми небесами. Борьба лишь за то, чтобы выжить, кончилась. Люди, обрета на юге, как Христос в Рождество, новую жизнь, словно вернулись в свежую зелень его ясель.

Сегодня же вечером в какой-нибудь церкви он попросит прощения за то, что назвал их изменниками.

— И последнее, Гарри. Синева.

— Синева? — переспросил он себя.

— Где-то дальше по этой дороге должен быть синий мел. Ведь жители Англии когда-то натирали им себя — так?

— Синие люди, да, синие с головы до пят!

— Наши концы в наших началах, а?

¹ Прозвище герцога Веллингтона, командовавшего английскими войсками в битве при Ватерлоо. — Прим. перев.

Он плотней натянул на голову шапку. Ветер был холодный. Старик ощутил на губах вкус падающих снежинок.

— О, замечательный мальчик! — произнес он, Скрудж, возрожденный заново к жизни, задыхающийся от восторга, высунувшись золотым рождественским утром из воображаемого окна. — «Скажи, милый мальчик, эта огромная индейка все еще висит в окне лавки, где торгуют птицей?»

— Висит по-прежнему, — ответил мальчик.

— Пойди скажи хозяину, что я ее покупаю! Приведи его, и я дам тебе шиллинг. Приведи его меньше чем за пять минут, и я дам тебе крону!

И мальчик пошел.

И, застегивая пальто, с книгами за спиной, Старый Гарри Эбинизер Скрудж Юлий Цезарь Пиквик Пип и полтысячи других зашагали по дороге в зиму. Дорога была длинная и прекрасная. Удары волн о берег бухали канонадой. Северный ветер звучал шотландской волынкой.

Через десять минут, когда он исчез, распевая, за холмом, земля Англии была готова снова принять народ, который в скором историческом времени, возможно, сюда прибудет...

Борис ВИАН

ПАРИЖ, 15 ДЕКАБРЯ 1999...

Префектура Сены
От главного инженера Бориса Виана,
комиссара Старого Парижа,
Зефирэну В7-239

Вы наверняка уже знаете, что через две недели с хвостиком мы хоть и не без труда, но дотопаем до конца двадцатого столетия.

По случаю этой даты, как ни произвольна точка, от которой она отсчитана, прошу Вас сделать все необходимое для принятия следующих мер, имеющих целью существенно улучшить как вид столицы, так и жизнь в ней.

І. Административные здания (дополнение к письму от 10-3-1999)

Согласно моему мартовскому письму, Вам надлежит завершить переселение административных служб.

Особо напоминаю, что:

Те сотрудники полицейских и судебных органов, которые еще остаются в зданиях на набережных Сены и по бульвару Пале-Рояль, должны освободить все занимаемые ими помещения.

Должен быть проведен внутренний и наружный ремонт вышеупомянутых зданий, для чего Вам следует связаться с мсье Ксэнтцем, ныне директором отеля «Георг V».

Вы наверняка помните, что по условиям нашего соглашения с этим знатным господином все здания Парижа, имеющие историческое значение, должны будут постепенно превращаться в отели класса, обозначаемого семью звездочками (туристические экстравысшей категории, минимальная стоимость номера сто долларов в день, эквивалент миллиона наших теперешних дерьмовых франков). Мебель, где только возможно, должна соответствовать эпохе здания. Если такой мебели не хватает, наши соглашения с фабриками изделий из пластмассы в Буржэ позволяют нам в кратчайшие сроки получить не отличимую от оригинала копию любого из экспонатов Национального музея мебели.

Последние служащие Консьержери¹, которые в ней остаются, должны быть переведены в Блуа, в Национальный центр тихой полиции. Необходимо завершить все до 1-1-2000.

2

Плавательный бассейн у Триумфальной Арки должен быть как можно скорее открыт вновь, а солярий над ним должен быть как можно скорее вновь покрыт крышей.

Что же касается нескольких зданий, все еще занимаемых сотрудниками «Радиотеледиффюзьон франсэз», то эти здания в течение восьми часов должны быть взорваны, потому что, как показывает опыт, вышеуказанных лиц можно удалить только таким путем. Останки должны быть отправлены в крематорий РТДФ, а освободившееся место преобразовано по типу А-5 (кусты — цветы — овощи — сатиры).

Пожалуй, это единственные из моих мартовских указаний, которые еще не выполнены. Все должно быть сделано до наступления 2000 года — молниеносно!

II. Дороги и транспорт

А

Лук-порей на улице Опера так разросся, что представляет теперь опасность для прохожих. Необходимо обрезать до высоты 3 метра 25 сантиметров. Не позднее 30-12-99.

¹ Название тюрьмы в Париже. — Прим. перев.

В

Тысяча сто тридцать движущихся тротуаров, обеспечивающие непрерывное передвижение пешеходов по главным транспортным артериям, нужно покрасить в светло-желтый цвет, потому что он мне нравится.

Обращаю Ваше внимание на то, что, хотя я уже ввел вышеупомянутые тротуары в действие, подарка от фирмы «Отилюзье-Компифр» я до сих пор не получил — он по-прежнему около их здания. А так как Вы все равно бездельничаете... Не позднее 24-12-99.

С

Как Вам, вероятно, известно, до сих пор в нарушение запрета, содержащегося в моем приказе от мая 91 года, по Парижу продолжают ездить замаскированные под электромобили машины на жидком топливе. Напоминаю Вам, что имеющиеся у Вас приборы Эрвика, модель 6, позволяют легко выявить нарушителей. Нет нужды указывать на опасность, которую представляют для всех шестисот тысяч парижан выхлопные газы тридцати четырех автомобилей на жидком топливе, которые, как мне достоверно известно, разъезжают по городу.

Что касается городского парка из четырехсот тысяч кресел-колясок на электрическом ходу, позаботьтесь о том, чтобы их тоже перекрасили в желтый цвет. Не позднее 24-12-99.

III. Климат, температура

Соизвольте приостановить на ночь 31 декабря работу снегоуловителя (патенты Кено и Форвасса), чтобы дать возможность ветру, который Вы создадите на этот случай, пронести над столицей пятьдесят процентов всего количества облаков, производимого горнодобывающей промышленностью; она, как Вы сами знаете, вырабатывает их постоянно.

Оживление в небе наверняка порадует празднующих и даст им повод хоть раз посмотреть вверх — ничего страшного с ними от этого не случится.

Установите температуру воздуха минус пять по Цельсию, чтобы снег падал в благоприятных условиях и не превращался в слякоть; желательна область вышезначенной температуры ограничить в высоту шестьюстами метрами; предусмотренное понижение температуры воздуха неизбежно будет нарушено снегопадом, но движение облаков не должно от этого пострадать ни в коем случае. Выпутывайтесь как можете. Но чтоб снег и облака были!

IV. Полиция

Напоминаю Вам, естественно, что:

Необходимо на месте применять эвтаназию к тем, в руках у кого

(такие еще встречаются) обнаружат натуральную, а не синтетическую рождественскую елку.

Необходимо немедленно подвергать промыванию желудка каждого, чье дыхание покажет на диспсометре Рикара (модель 1964 года, усовершенствована в 1987 году) седьмую степень опьянения.

Необходимо допрашивать, принимая при этом меры предосторожности, всех вооруженных автоматами детей в возрасте от трех до пяти лет; проверять документы взрослых (от семи до пятнадцати лет) и стариков (возраст выше пятнадцати).

Проследите, чтобы владельцы кондиционеров ни в коем случае не закладывали в них наркотики в количествах, превышающих установленные Законом о праздничных днях. Злоупотребляют в каждый Новый год, и я хочу, чтобы это прекратилось. Извольте захотеть того же.

Шум

Разумеется, полиция будет бросать гранаты в любое окно, откуда послышится хотя бы малейший шум.

Религия

Напоминаю Вам, что, хотя нашей официальной религией остается коржибскизм¹, к католикам проявляется терпимость — если только не будет петь мерзкий отец Дюран. Если же все-таки он будет петь, стреляйте в толпу, и чтобы раненых не оставалось!

Игрушки

По-прежнему категорически запрещены:

Атомные бомбы

Водородные бомбы

Лунные ракеты для детей

Танки более шести тонн весом.

Разрешаются ножи с лезвием не длиннее шестидесяти сантиметров, дубины, кастеты, револьверы калибром девять миллиметров и выше и другое стрелковое оружие разнообразных моделей. Если потребуется, тактично регулируйте количество.

Ясно, что очень многое я забыл и пропустил. Если до восемнадцати часов завтрашнего дня Вы не заполните пробелы, я Вас выключу.

Напоминаю, что роботы не спорят.

Главный инженер,
комиссар Старого Парижа
Борис Виан

¹ Несуществующая религия, придуманная автором; название ее произведено от фамилии американского лингвиста Коржибского. — Прим. перев.

ПОГОНЯ

— Умные и трудолюбивые стальные муравьи, — воодушевленно говорил профессор Макгатри, — вот что они такое! Когда их станет много, никому не взять над ними верх, ни в войне, ни в работе. Потому я и назвал пробный образец «Муравьем». От него произойдут миллионы точно таких же, и они расползутся по всей земле на благо человека! Нынешние горы они превратят в плодородные долины, будут добывать уголь, орошать пустыни, побеждать в войнах, осваивать для людей далекие планеты. Они, мой друг, будут творить настоящие чудеса!

Макгатри, профессор кибернетики Эдинбургского университета, расхаживал взад-вперед по гостиной; его круглое брюшко покачивалось в такт шагам.

Жена профессора Урсула сидела в кресле и следила за мужем кротким, слегка встревоженным взглядом.

— Но, Малькольм...

Голос ее немного дрожал, однако свести мужа с небес на землю было необходимо — кроме своих машин, он ни о чем не хотел знать!

— ...не могут ли они стать опасными для людей? — договорила она. — Я хочу сказать только, что... вид у этих тварей — ну, тех, что у тебя в подвале — не очень привлекательный.

— Не очень привлекательный? — Возмущенный, он потер лысину. Глаза его засверкали. — О, эти женщины! «Муравей» ни красивый, ни безобразный, ни добрый, ни злой — внешний вид его не говорит ни о чем вообще! Это всего-навсего машина — самоуправляемый, самовоспроизводящийся и самовосстанавливающийся робот!

— Да, дорогой, — ласково сказала Урсула, понявшая не более половины сказанного, и страдальчески улыбнулась.

Однако профессор уже остыл. Шаркая, он подошел к окну и устремил задумчивый взгляд на безрадостный ландшафт Шотландии, освещенный красноватыми лучами заходящего солнца, — на унылые болота и тоскливые, покрытые вереском пустоши между гранитными отрогами хребта Бен-Аттоу и морским побережьем у Моурей-Ферса. Это мир, которого чурались люди, если не считать неграмотных старых пастухов, сухих и жилистых; им чудеса молодого третьего тысячелетия были глубоко безразличны, они едва поднимали головы, когда по небу в стужающих сумерках проносились, оставляя огненный след, пассажирские ракеты, летящие откуда-нибудь с Тихого океана в лондонский аэропорт Хитроу.

Но профессора Макгатри безлюдье этих мест очень устраивало. Два года тому назад по его желанию сюда перенесли при помощи летающего воздушного крана его дом. Вместе с домом, похожим на огромную

пластиковую слезу, переключала и оснащенная всем необходимым лаборатория. С тех пор он и Урсула спокойно жили здесь вместе со своими детьми, одиннадцатилетними близнецами Робертом и Лилиан. И каждый день, уйдя с головой в какой-нибудь из своих хитроумных кибернетических проектов, он что-то рассчитывал и мастерил у себя в подвале.

По тихому дому рассыпался звонкий детский смех. Мать и отец прислушались, потом оба заулыбались.

— Смотрят по телевизору «Робинзона Крузо», — сказала Урсула, уже позабывшая о «Муравье». — Ведь им интересно и смешно! Даже сейчас, в 2011 году, дети без ума от этих историй про Робинзона Крузо и Пятницу, про Белоснежку и семь гномов! Помнишь, какой был скандал, когда в прошлом году детское телевидение попыталось заменить приключенческие программы занятиями по сборке машин и передачами с Марса? Все дети Шотландии потребовали, чтобы им вернули приключения!

— Ребенок есть ребенок. — Профессор кашлянул, поглощенный своими мыслями. — Знаешь что? К вечеру на вересковой пустоши я хочу его испытать!

— Его?.. Да, конечно! — И она кивнула с таким видом, будто это очень ее обрадовало. — Но что эта... штука будет делать на вересковой пустоши?

— Видишь ли, — и рука его обвела в воздухе что-то невидимое, — «Муравей» может путем электролиза добывать прямо из грунта алюминий. Алюминий я выбрал из-за его необычайной распространенности — он составляет не меньше семи процентов всей земной массы!

И профессор торжествующе посмотрел на жену.

— Да, мой друг, — сказала она таким тоном, каким все женщины говорят обычно эти слова своим нетрезвым или рассерженным супругам.

— ...Так что «Муравей» может добывать алюминий в горах и в пустынях, и из любой породы — полевого шпата, каолина, глинозема! А алюминиевые сплавы могут быть прочными как сталь, но втрое легче ее!

— Да, мой друг.

Ей уже столько раз доводилось слышать эти малопонятные для нее речи! И через минуту, когда он заверил жену, что его изобретение не опасно для людей, она успокоилась и стала думать об ужине. Не слетать ли на вертолете в Килданан за бифштексами? И, может, стоит прихватить бутылку вина, чтобы отпраздновать удачу Малькольма? Всего семьдесят километров — она обернется за какой-нибудь час...

Тихо жужжа, дом, как подсолнечник, поворачивался вслед за солнцем. Небо над темными вершинами пылало. Между тем Малькольм все говорил:

— ...в электронный мозг вводятся элементарные приказы, и реле этого мозга смогут создавать из них все новые и новые сочетания, практически бесконечное количество сочетаний! В результате получатся миллионы разных линий поведения! И кроме того, у «Муравья» много разных органов чувств: радиолокаторы, фотоэлементы, искусственные органы обоняния, микрофоны, которые за десять миль улавливают стрекот кузнечика. Его теплоуловители обнаружат на большом расстоянии любой живой организм, если температура его тела отличается от температуры воздуха хотя бы на одну десятую градуса. На своих гусеницах с присосками «Муравей» может передвигаться где угодно, под водой или даже по отвесным скалам. А питания ториевых батарей, которые дают ему энергию, хватает на десять лет. Торий, кстати, тоже есть на всех континентах!

— Да, дорогой...

Из стены выдвинулась металлическая рука, подобрала пепел, просыпавшийся с сигареты Малькольма. Как хорошо, подумала Урсула, что не надо самой следить за порядком. Но что сегодня с Малькольмом? Таким возбужденным она еще его не видела!

— ...его металлические мускулы не устанут никогда! — уже почти кричал профессор. — Его мозгу не нужен сон! Его реакции мгновенны! Его производительность не укладывается в воображении! Ему нужно два часа, чтобы создать точную копию самого себя, и он проделывает для этого сорок тысяч операций! А два «Муравья» тут же начинают делать еще двух! Четыре — еще четырех! Знаешь, сколько их станет после двадцати четырех часов удвоения?

— М-мм... сто?

Готовясь отправиться за покупками, она подкрашивала губы.

— Четыре тысячи девяносто шесть! — торжествующе воскликнул он. — А через тридцать шесть часов — двести шестьдесят две тысячи сто сорок четыре! А через двое суток — много миллионов! Мой «Муравей» — это ком снега, с которого начинается лавина!

— Не... не чересчур ли это много? — слегка испуганно спросила она и, оторвав взгляд от зеркала, посмотрела на мужа.

— В любой момент, отдав приказ, можно остановить самовоспроизводство, — весело успокоил он жену. — Именно это я и сделаю, как только «Муравей» пройдет испытание. Ты только представь себе, как быстро и дешево могут мои «Муравьи» сровнять с землей Гималаи или перенести Великобританию на Северный полюс!

Она рассмеялась.

— Что ты говоришь, Малькольм! Ведь мы там замерзнем.

— Это просто пример, — ответил он, не обращая внимания на ее смех. — Ну, а каково это оружие... Ты ведь слышала все эти бесконечные сражения на огромные военные расходы? «Муравей» может создать армию из кучи камней! Конечно, с одним «Муравьем» при всей его прочности легко управится противотанковая пушка, но миллиону, который

через два часа станет двумя миллионами, сопротивляться бесполезно! Стальные челюсти сжуют даже танки, дивизии танков и опустошат территорию неприятеля так же основательно, как полчища настоящих муравьев. Только представь себе, что будет, если двадцать моих «Муравьев» перебросить по воздуху в пустыню Гоби. За сутки их станет там больше восьмидесяти одной тысячи! А если ввести в них инстинкт миграции, они вскоре расплзутся по всей Азии!

— Нет, только не война! — И она вздохнула: ох уж эти мужчины! — Неужели нам мало тех войн, которые были?

— Разумеется, — пробормотал он немного растерянно. — Но ведь... любое достижение науки можно использовать как для блага человека, так и во зло ему. Все зависит от того, в чьи руки оно попадет. Но все равно нужно изучать, пробовать...

— Нужно ли? — она опять услышала детский смех, но теперь не улыбнулась. — Ведь у нас есть все — достаток, досуг. Зачем тебе этим заниматься, Малькольм? Чего еще может желать человек?

— Многого — например, удовлетворения своей любознательности. — И он пожал плечами. — К тому же мои «Муравьи» принесут людям пользу. Человек сможет менять с их помощью облик других планет — превратить их в цветущий сад!

— Или в пустыню! — Она уже закончила сборы и была готова лететь в город. — Ты меня отпускаешь, Малькольм?

Конечно, он ее отпустил. Но в городке, делая покупки, она все время думала о том, что мужчины, даже гениальные, — это всего лишь восторженные, любопытные, неосмотрительные дети...

Когда вечером из-за тяжелых вершин Бен-Аттоу выскользнула луна, в ее неярком свете, упавшем на вересковые пустоши, сверкнула полусфера из светлого металла, легко и быстро находившая себе дорогу между скал и небольших прудов. Следом за ней, стараясь не отставать и тяжело дыша, бежал вприпрыжку немного грузный человек, явно чем-то взволнованный.

«Муравей» был запущен. На полусфере, в восьми футах над землей, вращались антенны локаторов и мигал зеленый индикатор. Малькольм поздравил себя с тем, какие у его машины ловкие, удивительно точные движения. Ничто не может остановить ее, ни темнота, ни туман, ни холм, ни неровности рельефа. Ничего более совершенного кибернетика не создавала еще никогда.

Однако реле, управляющие теплоуловителями, он предусмотрительно заблокировал. Ему не нужно, чтобы этот робот воевал — его «Муравей» должен стать родоначальником миллиардов себе подобных, которые рассеются по земле, чтобы служить человечеству. Сердце профессора переполняла радость.

Между тем полусфера, словно живая, ползла вперед. Ее черная тень плясала на поросших вереском пригорках и на гранитных валунах. Органы чувств нюхали, слушали и смотрели... Она тихо гудела и мигала зеленым глазом. Вдалеке, где-то под серебристо-серым силуэтом Бен-Аттоу, безнадежно и насмешливо залаяла лиса, и эхо ее голоса долго умирало в ущельях. Шотландское плоскогорье тянулось вдаль и исчезало, бесконечное и темное, в прохладной ночи. Но Малькольм не слышал охотничьего клича лисы, не видел пустынного плато. Он смотрел только на свое создание, смотрел, будто на собственное дитя.

Наконец, пробродив с добрую милю, полусфера остановилась у осыпи гравия, протянувшейся между топиями от ближайшего горного отрога. Гравий лежал здесь со времен последнего оледенения, когда могучие естественные силы дробили острые вершины гор и сбрасывали обломки вниз.

Довольный, он улыбался в темноте. Да, эта штукавина знает, что ей нужно, и без колебаний и сомнений идет к цели.

Тихое гудение «Муравья» превратилось в многоголосый вой. Вращающиеся с немыслимой скоростью лопасти вошли в грунт и выбрасывали в воздух измельченную породу. За несколько минут «Муравей» выкопал яму половину своей высоты, опустился туда и начал, как кошка молоко, заглатывать гравий. Над полусферой поднялись маленькие облачка пара. Потом клещи на концах многосуставчатых металлических конечностей стали складывать штабелями серебристо-серые болванки алюминия.

По существу, «Муравей» выполнял работу большого завода-автомата, только немного быстрее. Один производственный процесс сменил другой. Вот уже готов полусферический верхний щит. В фотоэлементах, служивших «Муравью» глазами, мерцал бледный свет. Чувствительные антенны дрожали и вытягивались, как хоботки мух.

Профессор сидел на камне. Ему было холодно, к тому же в погоне за «Муравьем» он натер правую ногу. Но что значат эти мелкие неприятности, когда он видит перед собой свою претворенную в жизнь мечту?

— Так, так, превосходно! — восклицал он, не отрывая взгляда от «Муравья». — Еще, дружище, еще!

Робот не отвечал. Он работал с немыслимой сосредоточенностью, все его движения были невероятно быстрыми и точными. Вот он уже монтирует в своем будущем отпрыске основную электронную систему. А вот уже чуть заметными, до смешного осторожными движениями впивает ячейки памяти, которые все вместе станут электронным мозгом «новорожденного». Робот помнил все операции, и он даже обладал способностью совершенствовать заданную программу. Еще час с небольшим, и два совершенно одинаковых «Муравья» начнут изготавливать еще двух точно таких же. И к утру в горе будет уже огромная пещера, а в ней — больше сотни «Муравьев». Вскоре их станет двести, потом четыреста...

«А что, если завтра сюда забредет какой-нибудь пастух?» — подумал профессор и улыбнулся. — Глазам своим не поверит! Но, вероятнее всего, здесь никто не появится. В этом главное преимущество здешних мест. Через несколько дней он вылетит в Лондон и пригласит сюда представителей экспертов. И, конечно, лучше всего ошарашить их, показав им целый муравейник этих трудолюбивых созданий, которые удваивают свое число без малейших денежных затрат с вашей стороны. Все промышленные проблемы решаются раз и навсегда: создай прототип машины, и больше тебе не нужно думать ни о чем. Уже к завтрашнему вечеру по общей производительности «Муравьи» превзойдут промышленный центр средней величины...

Никогда еще не испытывал он такого удовлетворения — даже когда изобрел автомобиль без двигателя или когда создал электронные глаза для слепых.

Но в какое-то мгновение, он не мог бы точно сказать когда именно, что-то нарушило спокойное течение его мыслей. Какое-то смутное беспокойство... а-а, вот от чего! Занятый работой «Муравей» вдруг повернул к нему бледные диски своих глаз. Многосуставчатое щупальце, монтировавшее гусеницы нового «Муравья», замерло в воздухе. Это длилось всего несколько секунд. Потом действующая программа вернула поведение робота в нужную колею.

Профессор плотнее запахнул пальто. Ага, вот в чем дело: очевидно, слаба электронная блокировка между рабочей и боевой программой. Обнаружилось это только теперь, когда электронные схемы перегрелись. Но это только предположение. Уж он-то знает, как чувствителен сложный электронный мозг. Почти как нервная система человека. Этот мозг долго «просыпается», и у него могут быть «нервные срывы». К тому же «Муравей» — первый экспериментальный образец. Он бы много дал за то, чтобы точно знать, что происходит сейчас под этой сверкающей скорлупой...

Профессор сидел в нерешительности, раздираемый сомнениями. С одной стороны, ему хотелось увидеть первое дитя «Муравья» законченным, но, с другой — смутная тревога подталкивала его остановить это чудовище, что-то мастерающее в гравии. Чудовище? Что за ерунда! Ведь это всего-навсего машина, робот, лишенный собственной воли!

Между тем «Муравей» с бешеной скоростью завершал своего первенца. Несколько минут он безукоризненно следовал программе, но вот бледные, похожие на две луны глаза снова обратили взгляд на своего создателя. Многосуставчатые металлические руки оставили работу, и машина передвинулась метра на два к нему. Испуганный, он вскочил на ноги. Разумеется, программа и на этот раз вернула машину к исполнению ее обязанностей, и опять все как будто было в порядке.

Но если «боевой инстинкт» проявится в третий раз, блокировка может не выдержать, и тогда...

Его прошиб пот. Могучие щупальца с клешнями, воющий туман лопастей... Если теплоуловители его почувствуют, если машина двинется за ним и его схватит, он будет как мышь в когтях у кошки!

Выключить ее? Но для этого к ней надо подойти вплотную. Он стер с лица пот. Запах пота и страха, который сейчас исходит от него, ее электронные чувствилища наверняка уловят и усилят, а потом...

Луна висела высоко над серебристо-серыми вершинами. Вересковые пустоши были залиты ее неярким перламутровым светом. Растерянный, он глядел в безмолвную ночь, впервые осознав, как он сейчас беспомощен. Да и кто мог бы оказать ему помощь? Чтобы остановить «Муравья», нужна по крайней мере пушка!

Он не отрываясь смотрел на эту насекомоподобную машину, которую создали собственные его руки, его не знающий покоя ум. Скоро их будет две, а через двое суток, если он не прервет их размножение, — миллионы. И тогда вся английская армия будет бессильна перед ними.

Как же это он упустил из виду, что в мозг первого пробного образца нужно обязательно ввести приказ, автоматически останавливающий робота при первых признаках неподчинения программе? Как могло случиться, что эта простая мысль не пришла ему в голову раньше?

Пока эта машина одна, ее еще можно остановить, и он единственный, кто способен это сделать... А что, если он будет убит? Тогда... тогда, проснувшись послезавтра утром, англичане обнаружат, что их страну захватили несметные полчища тварей из блестящего металла, и эти твари остервенело превращают в руины города и, как зайцев, загоняют их обитателей. Море сверкающих полусфер затопит остров. А через неделю, через месяц? Десять миллиардов, сто миллиардов этих тварей разползутся по всей планете, спустятся на дно океана, заполнят джунгли, сроят под корень континенты!

Озарение пришло как молния: вот к чему привела его работа! Собственными руками он открыл ящик Пандоры, породил чудовище, у которого на месте отрубленных мгновенно вырастают новые головы!

До тех пор, пока «Муравьи» не выделят из земной коры весь алюминий, металлическое воинство будет непрерывно расти! А когда следы человека уже давно будут стерты с лица земли, полчища блестящих чудовищ закروют собой всю поверхность опустошенной планеты; не знающие, зачем они существуют, не поддающиеся износу, самовостанавливающиеся, они обратят взгляд своих бледных глаз-фотоэлементов в небо, к звездам, где еще есть простор, еще есть алюминий...

Его била дрожь. Эти кошмарные видения лишали его последних сил. Перед каким мрачным будущим распахнул он двери, какие семена гибели посеял, ведомый слепой страстью исследователя! Во всем виноват он, только он. А ведь Урсула с ее женской рассудительностью не раз предостерегала его — о, если бы он только внял ее предостережениям!

Но куда там! «Муравей», видите ли, новое достижение техники, а разве можно становиться на пути технического прогресса?

И он, твердо решив остановить грядущий кошмар, побежал к роботу. Он должен, если надо, пожертвовать собственной жизнью!

Пробежал он совсем немного. Бледные глаза-луны «Муравья» обратили на него взгляд в третий раз... И тут же машина остановила своего почти уже законченного первенца и покатилась навстречу. Профессор услышал вой вращающихся стальных ножей. Теперь речь шла о жизни и смерти — электронная блокировка рухнула! Только когда остановится его гулко бьющееся сердце, а тело станет холодным и бездыханным, машина вернется снова к своей работе.

Охваченный ужасом, он повернулся и бросился бежать, совсем безотчетно, по направлению к дому. Спрятаться! Нужно, обязательно нужно, чтобы между ним и этой не знающей жалости металлической тварью встали закрытые двери его дома!

Но, хотя профессор мчался, как насмерть перепуганный заяц, «Муравей» догонял его. Поющая фреза неумолимо приближалась. Все громче чмокали присоски гусениц. В лунно-сером сумраке вокруг него уже трепетал зеленоватый луч прожектора.

Когда поток воздуха от воющих стальных ножей уже обдувал ему затылок, профессор метнулся вдруг в сторону, за выступ скалы. Радиолокатор и теплоуловитель «Муравья» потеряли след — гранит прикрыл его. Профессор вжался в скалу и попытался дышать тише. Совсем близко светилось теплым золотым светом окно его дома — звезда надежды. Только триста метров, и он дома!

«Муравей», завывая, закружился на одном месте. Порывы ночного ветерка мешали ему обнаружить источник тепла, однако он слышал стук громко бьющегося сердца. «Муравей» разыскивал свою жертву.

Но профессор теперь смог отдышаться. Он лихорадочно перебирал в уме возможности. Нужно противопоставить холодной, молниеносно быстрой электронной логике свои, человеческие фантазию и смекалку! Еще есть надежда, что он доберется до своего дома живым. Там и сям из вереска поднимаются замшелые валуны. Они станут этапами его спасения. Может, он все-таки перехитрит робота.

Но тут он оцепенел от ужаса. Домой? Как такое могло прийти ему в голову? Ведь там Урсула и дети. «Муравей», едва почуввав их теплые, незащитные тела, разнесет дом в щепы. Чтобы он отдал их на растерзание чудовищу, которое сам пустил гулять по свету? Нет, любыми средствами он должен увести «Муравья» прочь от дома, хотя бы в горы. Может, заманить машину в пропасть? Или разбить, сбросив на нее каменную глыбу? Любым способом, но он должен обезвредить ее!

Все еще не зная, как поступить, он оторвал взгляд от теплого света в окне и посмотрел в сторону хребта Бен-Аттоу, темневшего в нескольких милях от него. Удастся ли ему избавиться от этой неумолимой ищейки, которая не знает усталости и никогда не бросает след? Да, не

только его семья, все семьи Шотландии вправе требовать, чтобы он вступил в борьбу с плодом своих изобретательских дерзаний. Мало просто увести проклятую тварь по темным вересковым пустошам куда-нибудь в сторону, он должен одолеть ее. Он не имеет права потерпеть поражение в этой неравной борьбе. Ибо что будет потом? Уж он-то хорошо знает! Не он ли сам заложил в электронный мозг робота программу, определяющую его поступки?

Едва только он, Малькольм Макгатри, умрет и остынет, как это одержимое жаждой деятельности исчадие ада вернется к своему незаконченному детищу и доведет работу до конца. У второго «Муравья» будут те же «чувства» и «инстинкты» и та же нарушенная блокировка.

Потом? Повторится все сначала. Через два часа будет четыре «Муравья». Будет негравкое гудение, мигание прожекторов, лихорадочная работа — электромеханический завод среди вереска, где так редко появляются люди.

А завтра вечером, повинувшись вложенному в них инстинкту миграции, первые тысячи поползут во все стороны. Они найдут его дом, уничтожат обитателей и поползут дальше искать новые жертвы. Послезавтра утром четверть миллиона сверкающих металлических тварей разрушат до основания ближайшие шотландские городки — Килданан, Аллапул, Дорнок. А к полудню этот все разрастающийся поток хлынет в ничего не подозревающую Англию...

Он оторвался от валуна и как безумный кинулся в сторону предгорий. Поблескивая в лунном свете, «Муравей» повернул и понесся вслед за профессором.

Часом позже между темных скал Бен-Аттоу пробирался человек, он всхлипывал, и глаза у него были красные от слез, а за ним, не отставая, ползла чмокающая присосками и мигающая зеленым прожектором машина.

Силы профессора были на исходе. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Лишь огромным усилием воли он заставлял себя двигаться. И однако он сделал больше, чем можно было от него ожидать. Он сбрасывал с высоты каменные глыбы на своего страшного преследователя, когда тот с тихим гудением полз по отвесному склону вверх. Но каждый раз стальная клешня парировала удар.

Колени профессора подгибались от усталости, а он брел по самому краю обрыва, прыгал, рискуя жизнью, через темнеющие бездны в надежде на то, что робот, гонясь за ним, свалится вниз и разобьется. Наивный! Разве не сам он наделил эту машину электронными чувствами, не сам оснастил ее гусеницами с сильными, как у осьминога, присосками? А теперь только и оставалось, что бежать зигзагами, продираться сквозь терновник. Но куда бы он ни прятался, угрожающий вой и чмоканье быстро настигали его.

Больше он не мог ни о чем думать, ни на что не мог надеяться. Все труднее было отрывать ноги от земли, все медленнее брел он по вереску и между скал. И снова надвигался сзади, все ближе и ближе, беспощадный вой, и снова становились ярче зеленые блики.

И вдруг он, к величайшему своему ужасу, увидел, что вдалеке, среди вереска, движется маленький белый огонек. Карманный фонарик! Урсула вышла его искать! Встревожилась, что его так долго нет. Но через считанные минуты «Муравей» наверняка убьет его. И тогда теплоуловители робота переключатся на этот новый источник инфракрасных лучей...

Но тут внезапно его озарила мысль: болота! Топкие болота, где пузырится черная трясына... Как ему сразу не пришло это в голову?

Надежда придала ему сил. Он не бежал, а летел как птица вниз по склону, перепрыгивая через кучи камней, автоматически ища укрытия за валунами и скалами каждый раз, когда зеленые блики касались его плеча. Огонек в вереске приближался. Решали минуты. Он благодарил небо за громкие удары своего сердца и свистящее дыхание — то и другое по силе намного превосходило сигналы, поступающие в органы чувств «Муравья» от Урсулы.

Вереск, бугры, камни, снова вереск. Потом земля у него под ногами запружинила. И вот он уже ступает по вязкой, чавкающей трясыне. Ею пахло из заполненных водой ям, где, как в черных зрачках, отражались звезды. Глаза профессора ничего не видели, о себе он не думал, однако некое шестое чувство вело его именно по тем поросшим осокой и тростником кочкам, которые могли выдержать вес человека, но не машину весом в целую тонну. Создавая робот-вездеход, профессор как-то не подумал о его проходимости в болотах, и именно на этом упущении и был основан возникший теперь у него план.

«Муравей» между тем неукотомимо полз за ним. Минуту или две гусеницы чмокали по пружинящему грунту. Потом трясына заколыхалась, и «Муравей» начал погружаться в болото. Черные глубины громко хлопнули, и трясына сомкнулась над «Муравьем». Судорожно дернулась над поверхностью металлическая клешня, и чудесное изобретение Малькольма Макгатри навсегда скрылось из глаз своего создателя.

На твердую землю профессор выбирался довольно долго. Урсула ждала его на краю болота. Но он только посмотрел на нее невидящими глазами.

— Малькольм! Что случилось? Где твоя машина?

— Там!

Дрожащей рукой он показал туда, где, повинувшись какой-то мощной, снизу идущей силе, вздымалась и опускалась топь. «Муравей» был еще жив, он еще боролся. Глаза-фотоэлементы вглядывались в черную грязь. Гусеницы крутились. Но вязкая топь крепко держала его в объятиях.

— Ой, так, значит, вся твоя работа пропала зря? — огорченно сказала Урсула.

Он открыл было рот, чтобы ответить, но вместо этого вдруг схватил ее и повалил на землю. На мгновение над болотами вспыхнуло небольшое голубое солнце. Из глубины поднялся черный гейзер, похожий на огромную поганку, и снова исчез. Послышался глухой грохот. Земля под ногами у них задрожала.

— Взорвалась ториевая батарея — жижа затекла внутрь, — с глубоким облегчением сказал он. — Теперь со всем этим... кончено!

— Не расстраивайся! — И она сжала его локоть, не совсем понимая, что происходит, но, как всегда, готовая утешать. — Ты ведь наверняка сможешь сделать новую! Еще лучше, правда?

— Ох, Урсула!

Он с улыбкой посмотрел на нее и стал беспомощно стирать с лица брызги грязи. И вдруг над болотами и безмолвствующим вереском раздался его громкий смех.

— Урсула, — с трудом переводя дыхание, сказал он, — дорогая! Я создал лишнего жизни и в то же время живого демона! Алюминий и электронные вихри, магнитные поля и вечный танец нейтронов должны были стать величайшим благом для человечества. Годы я работал без отдыха, использовал в работе все свои знания; к тому же все это стоило мне кучи денег. И однако...

Он задохнулся. Хотя он продолжал смеяться, глаза его по-прежнему были полны страха.

— ...и однако я благодарю небо за то, что мое детище погибло! Все, Урсула, с этим покончено. Знаешь, чем я теперь займусь?

— Нет, дорогой. — И она с любопытством на него посмотрела.

— Куплю ферму и начну выращивать спаржу!

— Спаржу? — растерянно пролепетала она. — Но почему именно спаржу?

— А потому, — медленно проговорил профессор, — что спаржа так удивительно безвредна!

Салли Анн ПИПИ

ГОД КРОКОДИЛА

За пять лет до описываемых событий профессор Анго, работая в исследовательском центре в Моитаке, сделал выдающееся открытие: он синтезировал воленин. Впрыскивая это вещество беременным крокодилицам, он добился того, что детеныши у них стали более сообразительные и крупные. Ни радости по поводу этого открытия, ни интереса

к оному правительство Пагинии не обнаружило, однако профессор, несмотря на это, продолжал увлеченно выращивать все новых и новых суперкрокодилов.

— Как они не понимают, — сказал однажды профессор одному из своих помощников, — что когда запасы нефти кончатся, окажется, что мои крокодилы стоят всех автомобилей, поездов, самолетов и кораблей, вместе взятых. Тогда они увидят, кто самый главный в Пагинии.

Эти слова профессора вспомнились помощнику через пять лет, когда нефть в страну перестала поступать и все остановилось. Закрылись заводы и фабрики, государственные и частные учреждения и предприятия, а специалисты из других стран умчались на самолетах туда, откуда прилетели.

У премьер-министра Бонго и его правительства надежда оставалась только одна — на призыв о помощи, с которым они обратились к народу своей страны. Измученные, с воспаленными глазами, они заседали вот уже двое суток подряд.

На третье утро все они как один, несмотря на усталость, повернули головы к двери: из-за нее донесся хриплый лай крокодила. Дверь распахнулась, в нее просунулась голова огромного крокодила, и членов правительства охватил ужас. Однако ужас сменился удивлением, когда, отстранив крокодила, в зал заседаний вошел человек, лицо которого, заросшее волосами, было похоже на обезьянье.

— Доброе утро, — сказал он, поклонившись; ему ответили неуверенными кивками. — Я профессор Анго. Я вывел породу крокодилов, способных работать под наблюдением надсмотрщиков. Прошу вашей поддержки; если я ее получу, наша страна станет богатой и сильной.

И так же внезапно, как появился, он сел на своего крокодила верхом и исчез за дверью.

Члены правительства еще ошолбенело глядели на пустой проем двери, а премьер-министр уже набирал телефон Национального Комитета Радиовещания.

— Говорит премьер-министр, — сказал он. — Пожалуйста, передайте по всем программам наше обращение к профессору Анго: мы согласны, чтобы его крокодилы были использованы в качестве рабочих на заводах и фабриках.

Он положил трубку и сказал:

— Что ж, господа, возможно, решение это приведет к трагическим последствиям, но другого выхода у нас нет — только это может спасти страну.

В отличие от своих предков поколение пагинийцев, которому довелось быть свидетелем описываемых событий, привыкло во всем полагаться на помощь других стран. Пагинийцы жили сегодняшним днем и уже разучились обрабатывать землю, бросать копые в дикого зверя или ловить рыбу. Как и их правительство, они сидели и ждали чуда, которое бы спасло их от гибели.

— Грapp! Хасп! Грapp! Хасп!

— Что это?!

Будто огромное множество военных барабанов гремело вдальеке. В один миг дома опустели, их обитатели выбежали во дворы и палисадники и устремили на небо полные надежды взгляды: не летят ли к ним, чтобы их спасти, ангелы? Наконец-то услышаны их молитвы!

Но тут на холме Тоуагуба появился огромный крокодил, такой высокий, что казалось, будто головой он достает до самого неба. И неизвестно откуда послышался голос:

— Дамы и господа! Я, профессор Анго, пришел освободить вас от голода и других страданий. Моя армия крокодилов принесет нашей стране богатство и благополучие. Мои чудовища мигом доставят вас в любую страну — вы и оглянуться не успеете. Дороги станут ненужными, о самолетах, поездах и автомобилях позабудут, станки и механизмы потеряют всякую ценность. Сделайте меня вашим вождем, и я поведу вас к свободе и славе!

Что тут началось! Приветствия, восторженные крики — всеобщее ликование! Вся страна ожила, и профессор был единогласно избран вождем Пагинии.

Под наблюдением помощников профессора Анго крокодилов каждое утро разводили из загонов по местам, где была нужна рабочая сила, а вечером приводили обратно. Делали это по всей стране. Через два дня после прихода профессора к власти все холмы и горы в Пагинии были уже скрыты и сровнялись с землей. На более плодородные из новых земель направили юношей, чтобы те засеяли их злаковыми культурами, овощами и плодовыми растениями. На землях менее плодородных стали развивать животноводство. Силами крокодилов были построены большие плотины, и, получив энергию, снова заработали заводы и фабрики. Повсюду как грибы росли новые жилые кварталы.

На медных копиях в Киете и Ок-Теди один крокодил добывал руды в сотни раз больше, чем за это же время ее добыли бы, даже используя машины, люди. Около рудников построили новые плавильни.

Целых полгода, после того как прекратились поставки нефти, пагиницы работали не покладая рук бок о бок с крокодилами, а внешний мир гадал: что случилось с этой страной? Почему из нее не поступает никаких сообщений? Но вот наконец профессор Анго отдал ведомству почт и телеграфа приказ оповестить людей Земли об успехах Пагинии. То-то удивились все, когда 25 июня 2525 года на первых полосах газет появилось:

ПАГИНИЯ ВОССТАЛА ИЗ МЕРТВЫХ

В восемь часов утра по дальневосточному времени народ Пагинии, возглавляемый вождем Анго, восстановил связь с внешним миром. Как выяснилось, за прошедшие шесть месяцев народ Пагинии не только уцелел, но и благодаря замечательному открытию, сделавшему ненужным топливо, поднял свое благосостояние. Вождь Пагинии, профессор Анго, пять лет назад открыл химическое вещество, которое он назвал воленином; применяя его, он вырастил за последние годы сотни огромных и на редкость сообразительных крокодилов. Крокодилы эти очень сильны и передвигаются с невероятной скоростью, поэтому они прекрасно заменяют мощные машины и механические средства передвижения; такой крокодил молниеносно доставляет вас из одной части страны в другую. Быть может, благодаря этим крокодилам человечество выйдет из топливного кризиса?

Сообщение, хоть и короткое, обратило на себя всеобщее внимание. Люди не знали, как отнестись к этой новости. С одной стороны, приятно узнать, что пагинийцы живы, но так ли уж безопасно иметь дело с крокодилами? И что это за профессор, о котором никто никогда не слышал? Кто он такой?

Разговоры эти кончились только тогда, когда профессор объявил, что намерен побывать во всех столицах мира и рассеять любые страхи или ложные представления, которые могут быть в отношении пагинийцев.

Наступило утро того дня, когда вождь должен был отправиться в поездку по другим странам. В столице царил волнение. К столь торжественному событию готовились уже много дней, и людям не терпелось увидеть, как вождь отправится на своем крокодиле в путь.

С безоблачного неба сияло солнце, предвещая счастливое путешествие. Приказав помощникам, чтобы те в его отсутствие продолжали работать так же, как при нем, профессор Анго сел верхом на одного из своих огромных крокодилов и отбыл. В каждом из городов на его пути он останавливал крокодила, слезал с него и вступал в беседу с многочисленными толпами, сердечно приветствовавшими высокого гостя. Профессор Анго был очень доволен собой и доволен тем, что короли и самые знатные люди приглашали его к завтраку, обеду или ужину — в зависимости от времени дня.

Когда, наконец, через Индонезию вождь прибыл на родину, он был усталый, но счастливый. Первым делом он пошел к своим крокодилам, а уже потом направился к помощникам. И только после этого он уда-

лился в свои апартаменты на втором этаже, над лабораторией, и лег спать. Он быстро уснул и во сне увидел свою поездку, толпы людей, его приветствующие, королей и сановников. Все это еще снилось ему на рассвете, когда в лаборатории раздался взрыв и здание развалилось. Вождь Анго и его помощники, спавшие в других комнатах, чудом уцелели и, как ни трудно в это поверить, даже не проснулись.

Дело в том, что профессор, когда вернулся, не проверил лабораторию. А помощники в его отсутствие по ошибке взяли не те реактивы, смешали их не в той пропорции и в довершение всего позабыли выключить аппарат. Незадолго до взрыва густой раствор превратился в тяжелый газ, который наполнил все здание. Спящие, надыхавшиеся его, заснули еще крепче.

Так они проспали много часов, а потом, наконец проснувшись, стали выбираться из-под обломков.

— Да ты похож на крокодила! — захохотав, сказал первый выбравшийся второму.

— И ты тоже, — отозвался второй.

Из-под обломков появилась голова профессора. Увидев своих помощников, он заревел:

— Кто это устроил? Кто превратил нас в этих мерзких тварей?

Но ответа не последовало. Да и что можно было ответить? Ведь виноваты были все.

Молчание длилось несколько минут, пока они не осознали до конца, насколько серьезно то, что с ними произошло. Наконец профессор Анго прохрипел:

— Если за сорок восемь часов мне не удастся сбросить с себя эту кожу, я прикажу моим крокодилам уничтожить всех людей на земле — иначе бывший премьер Бонго и его партия превратят меня в помешанца!

Двое суток ожидания тянулись бесконечно долго и не принесли никаких плодов — только вызвали у людей, ставших крокодилами, ненужные волнения и надежды. По истечении сорока восьми часов вождь Анго вызвал к развалинам столь дорогой его сердцу лаборатории свою армию крокодилов.

Ну и удивились же крокодилы, когда увидели говорящих собратьев! Но в полную растерянность пришли они, когда огромный крокодил заревел хорошо знакомым им тоном профессора Анго:

— Господилы и господилицы! Я принял решение: все люди должны быть стерты с лица земли. Приступаем сейчас же! Уничтожив их, мы заживем наконец мирной жизнью. Вперед! Пощады не давать никому!

Грapp! Хасп! Грapp! Хасп!

МАРСУФ НА ПЛАНЕТЕ СПИРЕО

Хотя Марсуф был слепой, участники любой космической экспедиции радовались, когда он летел вместе с ними. И вот как-то раз, вернувшись на Землю, Марсуф услышал, что очень перспективна область звезды, известной под названием Спирео: по орбитам вокруг нее движутся двенадцать планет, и одна из них очень напоминает Землю. Прошло девять месяцев, и Марсуф прибыл на исследовательском корабле «Кенгуру» к этой еще почти не исследованной планетной системе.

Девять планет из двенадцати отсеяли сразу: одни были сплошь покрыты действующими вулканами, на других температура поверхности была такая низкая, что там не могла бы существовать никакая жизнь; но десятая планета, где и стоял сейчас с плотно задраенными люками корабль, и вправду оказалась иной.

Спирео-10, или просто Спирео, как уже окрестили эту планету, по величине была примерно такой же, как Земля: ее диаметр на экваторе равнялся приблизительно тринадцати тысячам километров. Вокруг своей оси она вращалась медленнее и от своего солнца отстояла дальше, чем Земля; день здесь длился пятьдесят часов, и столько же длилась ночь.

Итак, «Кенгуру», корабль длиной почти в двести метров, стоял вертикально на равнине, которую капитан Джеймс Лорито счел лучшим местом для посадки. Равнина была абсолютно гладкая и, судя по всему, не таила в себе никаких опасностей. Километрах в ста от корабля начиналась горная цепь с очень высокими, в тридцать тысяч метров вершинами, а с противоположной стороны, но гораздо ближе, чем горная цепь, зеленел лес и поблескивала река. Марсуф внимательно слушал описание ландшафта.

Равнину покрывал ковер блекло-желтых растений, похожих на земные папоротники и карликовые деревья; растительность эту отличало многообразие видов. Мириады насекомых где-то прятались большую часть дня, но бесконечными вечерами целые облака их носились в воздухе. Растения, похожие на папоротник в метр высотой, были густые, но мягкие. Когда дул ветер, по ним пробегали волны, и это было очень красиво.

На синем небе светило с расстояния в пятьсот миллионов километров бледно-лиловое солнце этой системы; его обрамляла бахрома длинных протуберанцев, и ученые говорили, что излучение этой звезды может вызывать опасные ожоги. Кое-где, совсем низко, над поверхностью планеты плавали облака, и из них три раза в день шел теплый дождь.

Звукоуловители фиксировали множество разных шумов, но не было и намека на то, что хоть один из них своим происхождением обязан разумной форме жизни.

Марсуф подробно расспрашивал обо всем, что было видно на планете, однако о звуках не спрашивал ничего: его необычайно острый слух улавливал оттенки, которых приборы различить не могли. За свою жизнь он побывал на многих мирах, и в голове у него хранился целый архив звуков. Среди миров, которые ему довелось узнать, были безмолвные, скованные льдом, где жизнь так и не появилась или уже угасла; были миры, кишашие жизнью, плодородные и жестокие, где царил закон джунглей; миры вулканические, сотрясаемые все время взрывами; миры, наконец, покрытые кипящей водой.

Равнина на этой планете, хотя знал он о ней только по устным описаниям, Марсуфу нравилась. Похоже, она мало чем отличалась от степей и пампасов матери-Земли. Марсуфу не терпелось выйти из корабля.

Наконец капитан Лорито сказал:

— Завтра после полудня я посылаю на поверхность три исследовательские группы: одну — на равнину, вторую — в горы, третью — к лесу. А в двадцати километрах отсюда мы создадим базу. Ты останешься там со мной. Группы будут связываться с базой по видео каждые десять часов. Так что оставаться на базе — это все равно что быть со всеми тремя группами одновременно.

— Что показывают наблюдения?

— Что хотя здесь много разной живности, среди нее нет, по-видимому, крупной, такой, что представляла бы для нас опасность. Сам факт, что большая и плодородная равнина не заселена разумными существами, говорит о том, что таковых, по-видимому, на планете просто-напросто нет. Воздух местный для нас пригоден, только каждые десять часов нам придется приводить кровь в норму таблеткой эолоцина. От солнца могут быть ожоги, но не очень сильные, если покрывать кожу специальным кремом.

— Ладно, буду с тобой на базе. Только не держи меня на привязи. Я хочу побродить один.

— Броди сколько душе угодно, но носи с собой видео.

— Договорились.

И на следующий день в планетоходах на воздушной подушке исследовательские группы отправились выполнять каждая свое задание. Предполагалось, что группы, часто останавливаясь, будут исследовать местность, картографировать ее, делать трехмерные фотоснимки и через пятнадцать дней вернуться. В каждой группе было четверо ученых и четыре человека охраны. Двадцать человек, не считая Марсуфа и капитана, оставались на базе.

Транспорт на воздушной подушке очень подходит для исследования многих новооткрытых планет, однако Марсуф предпочитал исследовать планеты, передвигаясь пешком.

Когда они выбрали для базы место, капитан приказал выжечь всю растительность в радиусе нескольких сот метров, и только после этого начали ставить палатки и размещать на территории базы приборы для наблюдений. Все были заняты, кроме слепого Марсуфа, и он незаметно вышел с территории базы.

Чувствовал он себя прекрасно. Хотя глаза его различали только свет и темноту, а предметов не видели, осязание, обоняние и слух были у Марсуфа великолепные. Ступит в одну сторону, в другую, наклонится, нащупает небольшое растение, вырвет из грунта, понюхает — так постепенно у него складывалось представление о планете. Когда бросался прочь какой-нибудь маленький зверек, чувства Марсуфа точно указывали ему направление, по которому тот бежит. Что до насекомых, то они все время ударялись о его лицо, но Марсуф от них даже не отмахивался.

Три первых дня связь с исследовательскими группами была регулярной, но ничего, что заслуживало бы внимания, исследователи не сообщали. Все изменилось на четвертый день, когда группа, отправившаяся к горам, радировала, что одного из ее членов нашли мертвым; тело его было покрыто множеством ран, причиненных, по-видимому, какими-то острыми, с силой брошенными в него предметами.

Сообщение, оставлявшее многое неясным, встревожило всех на базе. Марсуф слушал и не мог понять, что же именно произошло. Он нервничал, потому что, несмотря на происшедшее, интуиция говорила ему: никакой серьезной опасности нет.

Двумя днями позже группа, отправленная к лесу, сообщила, что видела на расстоянии странное животное, внешне напоминающее льва, но со слона величиной. По видео передали заснятую при помощи телеобъектива фотографию. В самом деле, голова с гривой была похожа на львиную. Но у этого «льва», кроме четырех лап, двух передних и двух задних, были еще две конечности, которые росли от плеч и напоминали руки. Чувствовалось, что зверь невероятно силен и подвижен. Группа сообщила также, что животное это бегает быстрее, чем движутся планетоходы землян, и что оно удалилось по направлению к базе.

И тут внезапно сообщения приобрели трагическую окраску. Первая группа потеряла еще двух человек, вторая — одного; все погибли, судя по ранам, от каких-то брошенных в них с огромной силой острых предметов, но ничего такого около убитых обнаружить не удалось. Капитан отдал приказ всем трем группам возвращаться, и когда планетоходы вернулись на базу, врачи произвели вскрытие тел погибших. Раны были ужасные, будто от разрывных пуль.

Но самое странное было, что ни одна из трех групп не обнаружила нигде на много километров вокруг ничего опасного. Ни оружия, ни разумной жизни, ничего угрожающего вообще. У всех жертв были с собой

рации, но они ими не воспользовались. Капитан распорядился, чтобы никто в одиночку не покидал территорию базы.

Марсуф тоже не мог понять, что происходит. Но он знал: если причину случившегося не удастся установить, отчет капитана будет отрицательным, и в результате планета будет потеряна для землян. Чтобы обнаружить неизвестного врага, думал Марсуф, надо как-то выманить его на открытое место, а для этого нужна приманка. Такой приманкой мог бы стать, например, он сам.

Все в лагере спали, а Марсуф, глубоко задумавшись, пытался найти ключ к разгадке. Тихонько он вышел с территории базы и, занятый своими мыслями, даже не заметил, как отдалился от нее на несколько километров. Забредя в какие-то заросли, он споткнулся и упал, и решил, что теперь самое время отдохнуть. Он задремал, но внезапно проснулся с ощущением, что на него кто-то смотрит. Ни о какой опасности, однако, интуиция его при этом не предупреждала. Марсуф попытался сосредоточиться и, как обычно в таких случаях, начал насвистывать одну из своих любимых старинных баллад.

И вдруг услышал, как кто-то подражает его свисту. В первый момент он подумал, что это ему, наверно, снится. Неумело, но старательно кто-то выводил тот же мотив. Может, кто-нибудь с базы пошел за ним следом по приказу капитана Лорито?.. Наверно, так оно и есть.

Марсуф успокоился и, насвистывая уже что-то новое, двинулся к месту, на которое указывал его слух. Никакого страха он не испытал, зато его охватило сильнейшее любопытство.

Еще не дойдя до места, к которому шел, Марсуф остановился и перестал свистеть. Прервал свист и тот, кто ему подражал. Теперь Марсуф слышал громкое дыхание и глухие удары, то ли хвостом, то ли лапой по грунту.

Теперь, когда он так близок к раскрытию одной из тайн планеты, отступить невозможно. Марсуф начал высвистывать новую песню, сделал еще несколько осторожных шагов и почувствовал прямо перед собой острый запах зверя. Неизвестное существо опять подражало его свисту.

И в конце концов, пересилив страх, Марсуф вытянул вперед руки и — дотронулся. Руки коснулись шерсти, горячей и потной. Зверь не стал от него защищаться, не побежал, даже не шелохнулся. Марсуфу стало невероятно смешно, но он, подавив в себе желание расхохотаться, начал ощупывать зверя, «рассматривать» его, как это обычно для слепых, руками. Руки, пройдя по упругой шерстистой поверхности, дошли до когтей на лапах. Потом, снова поднявшись, достигли гривы из тонких, но пружинистых волос: огромный зверь, оказывается, лежал на животе.

И только тут Марсуф понял, что находится рядом со «львом», которого обнаружила направленная в лес группа. Огромным и совсем не злым — во всяком случае, сейчас. Падалью, как пахнет от хищников, от

него не пахло. Это означало, что животное питается травой или молоком.

Все было так абсурдно, что Марсуф не удержался и разразился хохотом. Его хохот животное тут же повторило. Ничего подобного Марсуф не встречал ни разу за всю свою жизнь.

Отсмеявшись наконец, Марсуф произнес:

— Я Марсуф.

И тоненький, похожий на детский голосок протяжно повторил:

— Иааа ма-суффф...

Не совсем точно, но похоже. Может, это существо разумное? Так или иначе, голосовой аппарат позволяет ему воспроизводить звуки человеческой речи, и это очень обнадеживает.

Ну и физиономия будет у капитана Лорито, когда он, Марсуф, скажет ему, что встретил большого, как слон, льва с детским голоском и лев этот может насвистывать песенки и повторять слова! В такое трудно поверить, и Марсуф решил, что будет молчать — до тех пор, пока не сможет рассказать обо всем, не опасаясь, что ему не поверят.

Марсуф, насвистывая, отправился назад на базу. Животное с тоненьким голоском пошло, держась на расстоянии, за ним следом и отстало уже почти у самой базы, к которой Марсуфа, как всегда безошибочно, привела его интуиция.

Напуганный его исчезновением капитан уже собирался отправить на поиски Марсуфа пять патрулей. Безропотно Марсуф выдержал головоломку, однако следующей ночью снова незаметно выскользнул с территории базы. Теперь ему было ясно, что угроза жизни людей исходит не от «льва», но не поможет ли «лев» узнать, откуда именно?

На этот раз Марсуф встретил своего нового приятеля километрах в двух от базы. «Лев» сразу улегся (видно, ему было приятно, когда его гладят), и Марсуф стал насвистывать «льву» одну песню за другой, а сам тем временем его ощупывал. Руки «льва», обычно сложенные на груди, были длиной в два метра каждая, и «лев» ими мог брать предметы. Марсуф пришел к выводу, что в высоту «лев» достигает пяти метров, а в длину, от головы до кончика хвоста, — восьми.

Марсуф обнаружил также, что кожа у «льва» твердая как сталь и в то же время очень гибкая. При этом «лев», по-видимому, вовсе не был агрессивным, хотя, наверно, и его, как любое миролюбивое существо, можно было довести до того, что он начал бы крушить все вокруг. Своим тоненьким, похожим на детский голоском «лев» воспроизводил самые разнообразие звуки.

Внезапно «лев» повалил Марсуфа и прижал лапой к земле. И тут Марсуф опять услышал над собой свист, похожий на свист пули и снарядов. «Лев» теперь повторил и этот звук.

Наконец «лев» снял лапу с Марсуфа, и тот, превозмогая боль, встал. Теперь своим тоненьким голоском «лев» издавал какие-то жалобные звуки.

Рассерженный и удивленный тем, что «лев» так с ним поступил, Марсуф побрел к базе. Уже отойдя от «льва» на некоторое расстояние, он услышал, как тот зовет его — во всяком случае, писк, который издал «лев», был похож на его, Марсуфа, имя. Жалобно поскуливая, «лев» догнал Марсуфа и пошел с ним рядом.

— Уходи, малыш, — сказал успокоившийся уже Марсуф, — со мной тебе идти нельзя. Мои друзья очень сердятся, оттого что некоторые из них погибли, и могут убить тебя.

Но «лев» по-прежнему шел с ним рядом и жалобно попискивал.

— Если бы они видели тебя таким, каким вижу я... — прошептал Марсуф. — Но... они тебя таким не видят, поэтому вести тебя к ним — безумие. Да и времени нет. Скоро мы улетаем навсегда. И меня это очень огорчает, потому что твоя планета мне нравится. Как же нам быть?..

И именно это соображение — что планета будет потеряна, если не удастся разобраться в происходящем, — определило решение, которое принял Марсуф. Вместо того чтобы прогнать своего нового друга, Марсуф поманил его за собой. Стал напевать, насвистывать, хохотать как безумный, и «лев» все за ним повторял; и когда вдвоем, хохоча, они подошли к базе и вступили в свет прожекторов, охрана, увидев их, от изумления разинула рты. Потом — сигнал тревоги, громкие команды, звон оружия...

— Не стреляйте! — закричал Марсуф. — Это друг!

И тут «лев» опять мощным ударом лапы повалил его и этой же лапой прижал к грунту: послышался свист пули. Это стреляли в «льва» люди, но «лев» стоял неподвижно и на пули не реагировал. Марсуфа душили слезы: ведь его товарищи у него на глазах разрушали дружбу со «львом». Но закричать, чтобы остановить их, он был не в состоянии. Слышались звонкие щелчки — это ударялись о «льва» и отскакивали пули.

Наконец все затихло: люди больше не стреляли. Может, его друг убит? Глубокая печаль охватила Марсуфа. Но через несколько мгновений тоненький голосок «льва» послышался снова, только звучал он теперь еще жалобнее. А из лагеря послышались возгласы удивления и страха. Произошло невероятное: против странного животного оказались бессильными даже бронебойные пули, они отскакивали от «льва» как резиновые. Разумеется, для особых случаев, вроде этого, у землян было и другое оружие — например, атомный дезинтегратор...

Это оружие не должно быть пущено в ход! «Лев» снял с него лапу, и Марсуф, вскочив, гневно закричал:

— Ничего не делайте, дурни, пока я вам не объясню!.. Лорито, запрети им стрелять!

— Откуда у тебя этот... зверь? — растерянно спросил капитан.

— Сейчас объясню. Опустите оружие, мы хотим войти.

— Нет! Сам входи, а зверюгу оставь снаружи.

— Или мы входим оба, или я уйду вместе с ним.

— Ну ладно, входите оба, — помедлив, сказал капитан Марсуфу. — Но если эта тварь хотя бы кашлянет здесь, внутри...

Насвистывая песенку, уже знакомую его другу, Марсуф медленно двинулся к палаткам лагеря. Хотя его глаза не видели, он слышал, как разбегаются в стороны, пропуская его и «льва», люди. Наконец Марсуф привел «льва» к палатке капитана, вошел в нее, и «лев» тоже попытался войти, но едва не свалил палатку. Поняв, что палатка его не вместит, «лев» улегся перед ней на живот, но из любопытства просунул внутрь свою огромную голову. Марсуф с трудом удержался от смеха, услышав, как от дыхания «льва» с походного стола взлетают бумаги; капитан Лорито и другие, кто был в палатке, забились в угол. Чувствуя, как они испуганы, Марсуф успокоил их:

— Эта, как ты, Лорито, ее называешь, тварь разумна, и у нее сердце ребенка.

— Зато размеры и броня — как у танка.

— Он в этом не виноват. Это результаты адаптации к среде обитания. Эти качества нужны ему для выживания, так же как на Земле змее нужен яд, черепахе — панцирь, птице — крылья, рыбе — жабры...

— Хватит, Марсуф, мы это знаем.

— Только с человеком, — продолжал Марсуф, — дело обстоит несколько иначе. У человека, при всей его кажущейся слабости, есть две руки и защищенный черепом мозг в полтора кило весом. То есть разум.

— Довольно азбучных истин! — огрызнулся капитан. — На этой планете погибли наши товарищи, и то, что у каждого из них было в голове полтора кило мозга, их не спасло.

— И за что только, Лорито, тебя назначили капитаном? Сообрази наконец: этот «лев» их убить не мог. Если он на тебя сядет, он сделает из тебя котлету, в этом не приходится сомневаться, но тех ран он причинить не мог.

— Ну, а что ты об этом думаешь? — пробурчал капитан.

— Очень просто. «Лев» адаптирован к неизвестным снарядам, от которых погибли люди. А вчера я сам подвергся такому же нападению, и мой друг спас меня тем, что повалил и прижал лапой к грунту. И уж он-то знает, кто убил наших товарищей. Между прочим, нападение таинственных существ очень похоже на обстрел, которому подвергли нас вы. Стреляли чем-то вроде пуль...

И в это мгновение «лев» что-то пропичал. Все в палатке онемело от изумления: пока еще никто, кроме Марсуфа, не знал, что «лев» разговаривает, да еще голоском мальчика из детского хора.

— Он подтверждает, что ни в чем не виноват, и говорит, что его зовут Флипси, — засмеявшись, сказал Марсуф; в писке «льва» ему и вправду послышалось что-то похожее на это имя.

— Продолжай, пока мы не свихнулись,— проворчал капитан, которому было вовсе не до смеха.

Одно предположение у Марсуфа было, он только не был уверен в его правильности.

— Нужно показать ему тела убитых,— сказал он.

— Это нетрудно. Пошли.

— Пошли, Флипси.

Похоже было, что «льву» это имя очень нравится: пока они шли к палатке, служившей складом, «лев» все время его повторял.

Из палатки вынесли замороженные тела. Флипси издал звук, похожий на плач, Марсуф тем временем уже ощупывал тела, устанавливая количество и форму ран. Потом он спросил:

— Как сейчас ведет себя Флипси?

— Похоже, он испуган,— ответил капитан Лорито. — И он двигает головой. А теперь он вытянул вперед руки и машет ими, будто отгоняет мух.

И тут Марсуфа осенило.

— Что же, вполне логично,— сказал он. — На нас нападают какие-то насекомые.

— Все-таки я не понимаю... — пробормотал капитан Лорито.

— Да очень просто. Я вспомнил: в одном из отчетов наших специалистов говорилось о каких-то мертвых насекомых, обнаруженных рядом с телами наших товарищей. Хотя бы один экземпляр такого насекомого у нас остался?

Оказалось, что несколько экземпляров были включены в коллекцию местной фауны, и за ними пошли. «Лев» между тем снова пытался сказать что-то своим детским голоском.

— Послушай, Марсуф,— сказал капитан Лорито,— зверюга сжимает и разжимает руки, будто хочет что-то показать.

Марсуф подошел к Флипси и взял у него из рук то, что там было. Предметов оказалось два, оба небольшие, один был твердый и тяжелый, другой, упругий, был легче. Марсуф задумался.

Тем временем вернулся биолог, отправившийся за мертвыми насекомыми. Он протянул капитану стеклянный сосуд, где этих насекомых было с полдюжины, похожи они были на крупные ос.

Марсуф высыпал их на руку и обнаружил, что они ничем не отличаются от второго предмета, который ему дал Флипси.

— Вот и разгадка,— сказал Марсуф. — Смотрите!

Он раскрыл ладони и показал, что в них лежит.

— Вот пуля, одна из тех, которыми вы выстрелили, а вот пойманное Флипси насекомое. Все еще не поняли? Эта пуля свинцовая, а эта — живая.

— Не может быть!

— Почему не может? Вы привыкли к тому, что видели на Земле. Побывав вы, как я, на сотне миров, вы бы смотрели на вещи по-друго-

му. В космосе часто встречаешься с тем, что кажется невозможным. И ведь, по-моему, есть физический закон, согласно которому глубина проникновения при ударе зависит не столько от твердости проникающего тела, сколько от его скорости. Придайте достаточно большую скорость головке сыра, и она пробьет стену. Я думаю, что объяснил случившееся правильно. На Земле пчелы и осы летают медленно и защищаются жалами. На этой планете они летают в сто или тысячу раз быстрее и благодаря своей скорости превращаются в живые пули. На Земле тоже, сотни лет назад, жители страны, называвшейся тогда Японией, продельвали подобное. Кажется, их называли... камикадзе?

— Совершенно верно!

— И не задумывались ли вы, почему на планете с такой пышной растительностью такое обилие разнообразных насекомых и только один вид крупных существ, передвигающихся по грунту?

— То есть вид, к которому принадлежит твой друг Флипси?

— Правильно, он. А ведь причина тому совсем простая. Эти «камикадзе» убивают все живое, что возвышается над грунтом хотя бы на две пяди — за исключением моего друга, от чьей кожи отскакивают даже пули ваших пистолетов.

— Остается непонятным, — сказал биохимик, — почему «камикадзе» нападают, когда у них для этого нет никакого повода.

— Может, причина тому запах, может — движение, а может — звук. Ученые это выяснят. А заодно выяснят способ, каким «камикадзе» достигают в полете таких высоких скоростей.

Но капитана Лорито по-прежнему не оставляла тревога.

— По-моему, Марсуф, твоя гипотеза в общем правильна. Но что она нам дает практически? Не брать же каждому из нас в сопровождающие такого, как этот твой Флипси? Эти, как ты их называешь, «камикадзе» меня очень тревожат. Как нам бороться с насекомыми, которые летят со скоростью пули и ударяются с соответствующей силой?

— В любом случае, капитан, мы сделали большой шаг вперед. Самое худшее — это страх перед неизвестным, и сформулировать задачу — значит на три четверти ее решить.

— Меня тревожит как раз четвертая четверть: ведь именно я отвечаю за жизнь членов экипажа. Что нам делать?

— Лучшая защита от «камикадзе», — сказал Марсуф, — падать плашмя на грунт. Ниже чем на две пяди от поверхности «камикадзе» не летают: видно, многотысячелетний опыт научил их, что, летая ближе к грунту, они рискуют в него врезаться.

Выяснилось, что он был прав. Исследовательская группа, точно инструктированная о том, что нужно делать при появлении «камикадзе», после того радировала, что нападению подверглась, но обошлось без потерь. Более того, было обнаружено, что когда цель, к которой летят «камикадзе», вдруг исчезает, те возвращаются в гнездо. И подтвердилось, что они не летают ниже, чем в сорока сантиметрах над грунтом.

Стало ясно также, как с ними бороться: поставить приманку и окружить ее прочной и частой проволочной сеткой. А еще проще — находить гнезда и уничтожать маток.

— Разумеется, — сказал капитан, — всегда может случиться, что кто-то заведется и «камикадзе» превратят его в сито. Но это опасность куда меньшая, чем, например, сернистые вулканы Посейдона-IV или белые муравьи на Себедео-II. Этой планете я дам положительную оценку.

Пятнадцатую днями позже, после того, как была закончена исследовательская работа и уничтожено изрядное количество гнезд «камикадзе», капитан объявил, что корабль возвращается на Землю. Марсуф предложил, чтобы на Землю они взяли с собой и Флипси, который помог им разгадать тайну планеты Спирио.

— Подумай сам, Марсуф, — сказал в ответ на его просьбу капитан, — для одного только корма ему на семь месяцев понадобился бы корабль в семь раз больше нашего.

— Тогда я должен здесь остаться.

— Оставить тебя мы не можем тоже.

— Что значит не можете? Я научу Флипси всему, что знаю, и он потом сможет быть нашим переводчиком; буду играть с ним в шашки, читать ему стихи, учить его нашим песням. А он покажет мне свою планету. Познакомит меня с ему подобными. Я буду первым послем Земли на планете Спирио и подготовлю все к прибытию будущих поселенцев.

Уговорить Марсуфа отказаться от своего намерения казалось невозможным. Однако двумя днями позже спор разрешился, причем самым неожиданным образом.

Дело в том, что на равнине вдруг появились два «льва», такие же, как Флипси, но только много большей величины.

Оказалось, что это родители Флипси, а сам Флипси всего-навсего убежавший от них шаловливый ребенок. Когда издали донесся рев, Флипси задрожал. Из корабля увидели (и тут же рассказали об этом Марсуфу), как родители задали трепку убежавшему малышу. А потом родители с Флипси не спеша направились к кораблю. Испуганный капитан Лорито приказал задрать люки. Медленно и величественно, как два броненосца, родители Флипси подошли к кораблю вплотную. Обнюхав корабль, отец решил почесать об него спину, и корабль качнулся. Капитан приказал включить двигатели и сирену, и «львы» несколькими огромными прыжками удалились от корабля. Они и стоявший теперь между ними Флипси увидели, как зажглись дюзы, как, преодолевая гравитацию планеты, могучая сила поднимает корабль вверх.

Капитан отдал новый приказ, и «Кенгуру», взлетев, вышел на орбиту. Корабль сделал несколько витков вокруг Спирио, наблюдая «львов», которые прыжками двигались по направлению к лесу. Марсуф просил, чтобы ему рассказывали все, не пропускали ни малейшей подробности. А Флипси смотрел снизу на корабль и, плача, звал своего друга с планеты Земля.

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. АКУНЬЯ. Лев. <i>Перевод с испанского</i>	3
А. АЛЬВАРЕС ВИЛЬЯР. Супруги, любившие уединение. <i>Перевод с испанского</i>	5
Дж. БРАННЕР. Заключение о состоянии лунной поверхности. <i>Перевод с английского</i>	10
Р. БРЭДБЕРИ. Генрих IX. <i>Перевод с английского</i>	11
Б. ВИАН. Париж, 15 декабря 1999... <i>Перевод с французского</i>	18
Н. НИЛЬСЕН. Погоня. <i>Перевод с датского</i>	22
С. А. ПИПИ. Год Крокодила. <i>Перевод с английского</i>	32
Т. САЛЬВАДОР. Марсуф на планете Спирео. <i>Перевод с испанского</i>	37

ПОГОНЯ

Сборник зарубежной научной фантастики на экологические темы

Составил и перевел Ростислав Рыбкин

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 06.10.87. Подписано к печати 18.11.87. Формат 70 × 108^{1/2}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,74. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 80000. Изд. № 3252. Зак. № 1362. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ПРИГЛАШАЕТ «СПОРТПРОГНОЗ»

● Эта новая спортивная лотерея предлагает любителям спорта проверить свои знания и испытать свою удачу в ее тиражах.

● Выигрывает тот, кто сможет угадать исход встреч не менее 11 из 13 пар команд, участниц данного тиража (тура) чемпионата страны по футболу, хоккею, волейболу, баскетболу или по другим игровым видам спорта.

● Билеты лотереи «Спортпрогноз» продаются в киосках и пунктах «Спортлото». Стоимость бланка билета 2 копейки. Билет содержит шесть вариантов заполнения, два из которых нужно заполнить обязательно. При сдаче заполненного билета в киоск или пункт «Спортлото» играющий обязан оплатить количество заполненных вариантов. Стоимость одного варианта — 30 копеек.

● Максимальный выигрыш в лотерее—10 000 рублей.

● В выигрышный фонд каждого тиража поступает 50 процентов стоимости оплаченных вариантов по билетам, поступившим для участия в этом тираже.

● Доходы лотереи направляются на строительство и реконструкцию спортивных сооружений, на организацию физкультурно-массовых мероприятий.

**Главное управление спортивных лотерей
Госкомспорта СССР**